ТАТЬЯНА
и
АННА
ПОЛЯКОВЫ
у нее был почти идеальный план
ТАЙНА ВСЕГДА
СО МНОЙ

Детективы с авантюрой Татьяны и Анны Поляковых

Татьяна Полякова

Тайна всегда со мной

«Эксмо»

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полякова Т. В.

Тайна всегда со мной / Т. В. Полякова — «Эксмо», 2023 — (Детективы с авантюрой Татьяны и Анны Поляковых)

ISBN 978-5-04-188592-2

Татьяну с детства называли Тайной, сначала отец, затем друзья. Вот и окружают ее всю жизнь сплошные загадки да тайны. Не успела она отойти от предыдущего задания, как в полиции ей поручили новое, которое поначалу не выглядит серьезным, лишь очень странным. Из городского морга бесследно пропали два женских трупа! Оба они прибыли ночью и исчезли еще до вскрытия. Кому и зачем понадобились тела мертвых молодых женщин?! Татьяна изучает истории пропавших, и ниточки снова приводят ее в соседний город, где живет ее знакомый, чья личность тоже связана с тайной… «К сожалению, Татьяна Полякова ушла от нас. Но благодаря ее невестке Анне читатели получили новый детектив. Увлекательный, интригующий, такой, который всегда ждали поклонники Татьяны. От всей души советую почитать новую книгу с невероятными поворотами сюжета! Вам никогда не догадаться, как завершатся приключения». – Дарья Донцова. «Динамичный, интригующий, с симпатичными героями. Действие все время поворачивается новой, неожиданной стороной – но, что приятно, в конце все ниточки сходятся, а все загадки логично раскрываются». – Анна и Сергей Литвиновы.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-188592-2

© Полякова Т. В., 2023
© Эксмо, 2023

Татьяна и Анна Поляковы
Тайна всегда со мной

Не уходите от вопросов,
Не предлагайте больше тостов.
Проходит ночь.
И день реальный и печальный
Разрушит вмиг все наши тайны.
Нам не помочь.

Рок-острова

© Полякова Т.В., Полякова А.М., наследники, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

* * *

Я неспешно шла по главной аллее парка и разглядывала людей вокруг. Дети носились по площадке с мячом, влюбленные парочки сидели на многочисленных скамейках, разбросанных по парку. Кое-где мелькали и одинокие фигуры: девушка уткнулась в экран смартфона, мужчина то ли читал, то ли дремал, а женщина по соседству с любопытством наблюдала за происходящим вокруг. Так же как и я.

Около выхода из парка я сделала последний глоток кофе и выбросила бумажный стаканчик в урну у ворот. Честно говоря, уходить отсюда совсем не хотелось, но обеденный перерыв закончился пару минут назад. Вообще-то прямо сейчас я могла находиться где-нибудь на берегу теплого моря, именно на сентябрь был запланирован мой отпуск. Однако им пришлось пожертвовать в пользу расследования.

Я никакой не следователь, хоть и работаю в полиции с дипломом юрфака. Моя должность в удостоверении значится как «инструктор». Тем не менее это не помешало моему начальнику пару месяцев назад отправить меня в соседний областной центр, чтобы я там помогала в расследовании похищения жены его одноклассника. Хотя кого я обманываю? На самом деле я сама напросилась. Отстояла внеплановый отпуск, чтобы отправиться в тот самый город, где пятью месяцами ранее погиб мой жених Егор.

Несмотря на заверения, будто это был несчастный случай, меня терзали сомнения. Не то чтобы их удалось полностью развеять, но в процессе вскрылась пара любопытных деталей о моем любимом. Я, конечно, подозревала, что он был не простым папарацци, но предпочитала об этом не думать и ничего у него не спрашивать. Как оказалось, Егор был связан с очень серьезными людьми. Возможно, за это и поплатился. Но за отсутствием доказательств я предпочитала придерживаться первоначальной версии о несчастном случае.

Как бы то ни было, я пыталась вернуться к обычной жизни. Помогала работа. С ней не соскучишься.

Я поднялась по ступенькам на проходную, отсканировала пропуск и чуть не столкнулась за углом со своим начальником.

– Вот ты где, – елейным голосом приветствовал меня Геннадий Михайлович. – Звоню тебе, а ты не отвечаешь.

– Так обед же, – парировала я.

– Все правильно, Танечка, все правильно. – Он подхватил меня под локоть и увлек в сторону своего кабинета. Когда мы оказались за закрытой дверью, начальник предложил: – Чай, кофе?

– Спасибо, только что пила.

– Хочу попросить тебя об одном одолжении.

– Внимательно слушаю, – улыбнулась я, не зная, чего ожидать.

– Хочу, чтобы ты присоединилась к расследованию…

– Стоп! Геннадий Михайлович, я инструктор – не следователь.

– Все понимаю, Татьяна, но там такое дело… Боюсь, Селиванов один не справится.

– А он в курсе?

– Того, что я прошу тебя ему помочь?

– Того, что вы сомневаетесь в его профпригодности, – ответила я.

– Я не сомневаюсь, – возразило начальство, густо краснея. – Просто дело очень деликатное, требует особого подхода. Женских рук, так сказать. И глаз.

– Так поручите Вике…

– Она в отпуске со вчерашнего дня.

– Ах да, – кивнула я, вспомнив, что мы вместе подавали рапорт и должны были отправиться отдыхать в один день. – Тамара Васильевна?

– Не в обиду ей, она прекрасный специалист, но вот женщина из нее не очень.

– Это как? – удивилась я.

– Тридцать лет в органах дают о себе знать, – развел руками Геннадий Михайлович. – Закаляют не только характер, но и все прочие места.

– Хорошо, Людмила?

– Танечка, у Люды три дела в производстве. Прошу тебя, всего пара допросов, просто поприсутствуй, большего от тебя не требуется.

– Вы уверены, что Селиванов будет рад моей помощи? Все-таки лучший сотрудник, – заметила я не без сарказма.

– Куда он денется, – улыбнулся начальник и растекся в улыбке. – Он и так часто с тобой советуется.

– Посоветоваться – это просто предлог и отмазка для жены, очень уж любвеобильный у вас Антон Борисович, помимо других достоинств, разумеется. – Я встала и направилась к выходу, перспектива работы в компании Селиванова не особенно меня радовала, я и так устала от его знаков внимания и намеков.

– Спасибо, Татьяна! – крикнул мне вслед Геннадий Михайлович.

– Что же там за дело у вас такое деликатное, – буркнула я себе под нос, закрывая за собой дверь кабинета начальника.

Не знаю, был ли Селиванов уже предупрежден или ему только предстояло узнать, какая манна небесная в моем лице на него свалилась, но в его кабинет я не торопилась, здраво рассудив: захочет – найдет сам. Много времени ему не потребовалась, и уже через двадцать минут мы сидели у него в кабинете. Мой хорошо упитанный товарищ настаивал на совместном обеде, только свой я уже отгуляла, а ему порекомендовала потерпеть ради благого дела. С терпением у Антона было так себе.

– Может, все-таки в «Пионы»? Там как раз бизнес-ланч, – с надеждой спросил Селиванов, усаживаясь на свое рабочее место. Стул при этом неприятно скрипнул.

– Обойдешься, любое умеренное воздержание закаляет мужчину.

– Это кто сказал? – напрягся он и почесал редкую темную бородку.

– Это я тебе говорю. На правах инструктора. Ты, как доблестный сотрудник, должен быть в форме. Ладно, не тяни резину. Что у вас там за дело, требующее особого подхода?

– В морге сегодня утром двух трупов недосчитались.

– Я наслышана о бардаке у них там.

– Да нет, они натурально исчезли, – активно замотал головой Антон.

– Не удивлюсь, если завтра найдутся, – ухмыльнулась я. – Кто на подозрении?

– Сотрудники, само собой. Понимаешь, мне их допрашивать как-то не с руки, нам все-таки и дальше по работе пересекаться предстоит, – начал Селиванов, нервно елозя на стуле.

– Подозреваю, что они вряд ли особо нежные создания, переживут. Или ты о себе беспокоишься?

– Обижаешь, я только о деле тревожусь, – покачал головой Антон.

– Тоже мне, дело… Кому они сдались, трупы эти? – ухмыльнулась я.

– Вот и выясним, – заметно приободрился он.

– Ты хотел сказать выясню? – Я намеренно сделала акцент на последом слове.

– Танечка, с тебя допрос, с меня обед!

– Можно я возьму цветами?

– Если только не подснежниками, в сентябре с ними туго.

– Ну рассказывай что к чему, – попросила я, облокотившись на спинку стула. Жутко неудобного, кстати.

И Селиванов ввел меня в курс дела.

Заступивший на утреннюю смену судмедэксперт не смог найти тело, которое было одним из первых в очереди на вскрытие. Искали тщательно. Настолько, что при поиске обнаружили, что недостает еще одного трупа. Дежурившие ночью санитар и сторож заверили, что все было как обычно, никакой подозрительной активности никто из них не видел и не слышал. Если не считать беспорядка вокруг.

– Ты мне только вот что скажи, Антон Борисович, в чем в этом деле женский подход заключаться должен?

– Ну как, там мужчины суровые, работа тяжелая, а тут к ним такая красавица пожалует.

– И они, конечно, разом все вспомнят и трупы найдут?

– Чем черт не шутит, – пожал плечами Селиванов. – Ну а если серьезно, обе похищенные – молодые женщины.

– И ты решил, что мне, как женщине, виднее, куда пропадают женские трупы?

– Ну-у… – протянул Селиванов.

Я отправилась к автобусной остановке, по пути гадая, действительно ли тела пропали или это простое разгильдяйство и нежелание как следует поискать. Когда я оказалась в здании бюро судебно-медицинской экспертизы, быстро поняла, к какому из вариантов стоит склоняться.

В холле толпились люди, стоял гул голосов. Кто-то спорил, кто-то разговаривал по телефону, а кто-то – между собой. Я быстро поняла, что не найду здесь никого, к кому смогу обратиться, и без лишних раздумий направилась по длинному коридору, уходящему вправо. Вскоре одна из дверей распахнулась, и из кабинета вышла стройная девушка в медицинском халате, шапочке и маске. «Ну вот, а Селиванов заливал, что они тут без женского внимания чахнут», – подумала я, а вслух сказала:

– Извините, где я могу найти Беспалова Бориса Леонидовича?

– Девушка, все вопросы о поступивших через администрацию, – сурово ответила сотрудница.

– О пропавших тоже? – поинтересовалась я, протягивая удостоверение. Хоть в нем и значилась моя настоящая должность, опыт показывал, что до этой строки мало кто доходил. Имя и то мало кто успевал прочитать, а тем более запомнить.

– Идем, – сменила она гнев на милость. – В морге он, я как раз туда.

Морг располагался на подвальном этаже, температура тут была гораздо ниже, чем наверху, и я невольно поежилась. Справа и слева – длинные коридоры и множество дверей. Вдоль серых обшарпанных стен какие-то мешки, вещи, каталки, незнакомые мне приспособления. Я оглядывалась по сторонам, а моя новая знакомая громко позвала, стянув медицинскую маску с лица:

– Боря! Есть кто? – Ей никто не ответил, она повторила громче, а потом в досаде махнула рукой. – Подумать только, ни одной живой души!

– По-моему, нормальное явление для морга, – пожала я плечами, а девушка странно на меня посмотрела, вряд ли оценив шутку.

– В секционной, наверное, – предположила она, и будто в подтверждение ее слов одна из дверей вдалеке открылась, и навстречу нам направился высокий тучный мужчина. Моя спутница передала ему какой-то сверток и меня в придачу.

– Поднимемся в кабинет? – предложил Борис Леонидович после нашего краткого знакомства.

– Я бы хотела взглянуть на помещение, из которого пропали тела.

– Уверены? – Он посмотрел на меня с сомнением, сведя у переносицы густые темные брови с легкой проседью.

– Вполне. – Я попыталась придать голосу уверенности, и мы направились в противоположный коридор.

– Впервые у нас? – поинтересовался судмедэксперт.

– К счастью, – улыбнулась я, а он продолжил:

– В том коридоре у нас основная работа проходит, а в этом те, кто на вскрытие. Вот отсюда они и пропали. – Он открыл дверь и придержал ее, чтобы я смогла войти.

Окон тут не было, а свет от ламп был таким ярким, что я зажмурилась. Хотя, возможно, глаза я прикрыла по другой причине. В моем представлении обитатели морга должны были аккуратно лежать каждый на своей чистой полке в серых халатах с бирками на ногах. На деле же все оказалось совсем не так: они, конечно, лежали, но некоторые друг на друге, а кто-то – по частям.

– Вот тут первая была, – указал он рукой на каталку. – К утреннему вскрытию готовили.

– А вторая?

– Да кто ж ее знает, тут где-то, – пожал плечами Борис Леонидович и указал куда-то на левую стену, всю в подтеках и пятнах, о происхождении которых даже не хотелось думать. – В кабинет?

– Да, – быстро ответила я на повторное предложение, всерьез испугавшись, что третьего не последует.

Кабинет располагался на третьем этаже, и ничего в нем не говорило о том, где мы находимся. Я бы даже назвала его уютным. На подоконнике горшки с цветами, на небольшом диванчике милая подушка с котиком. Борис Леонидович занял место за столом, сдвинув в сторону кипу бумаг, а я устроилась напротив.

– Трупы вместе поступили к вам?

– Судя по документам – нет, с разницей в несколько часов.

– А причина смерти?

– Давайте я вам вышлю бумаги на электронную почту, а подробности лучше у санитара узнайте, который их принимал, – предложил врач.

– Раньше что-то подобное случалось?

– Нет, – покачал головой Борис Леонидович. – Такого точно нет.

– А какое случалось? – поинтересовалась я.

– Было несколько инцидентов, ловили пару санитаров с зубами. – Он увидел замешательство на моем лице и поспешил продолжить: – Зарплаты тут так себе, а работа, сами понимаете,

тяжелая. Ребята решили, что зубы трупам уже ни к чему, вот и сбывали золотые коронки куда следует.

Очень хотелось узнать, куда же следует сбывать содержимое рта покойников, но я удержалась. Вместо этого спросила:

– Но лавочку быстро прикрыли?

– Пришлось, – странно улыбнулся Борис Леонидович – я даже заподозрила, что и он принимал в этой деятельности непосредственное участие.

– Можно с ними поговорить?

– Они здесь больше не работают.

– Ну а тот, кто был на дежурстве ночью?

– О Ярославе ничего плохого сказать не могу. Исполнительный, аккуратный. Пьет, конечно… Ну а кто здесь не пьет? Нам впору вместо молока водку за вредность выдавать.

«Обойдетесь», – подумала я про себя, а вслух спросила данные санитара и охраны. Смена Ярослава уже закончилась, а вот сторож еще пару часов должен был быть на месте.

Я спустилась в холл, там высокая худощавая женщина лет шестидесяти, в накрахмаленном халате держала высоко над головой внушительных размеров папку, а вокруг нее гудела толпа, да так, что слов сотрудницы было не разобрать. «Бардак тут, похоже, повсюду», – заключила я и покинула здание. Через дорогу был небольшой круглосуточный магазинчик, в нем я купила бутылку холодного пива и вернулась в бюро.

– Макар Игнатович? – позвала я, протягивая в окно будки охраны только что купленную бутылку.

– Взяток не берем, – бодро ответил щуплый мужичок лет семидесяти и приосанился.

– Отвлеку вас ненадолго, – улыбнулась я в ответ и рассказала, откуда пожаловала.

– Проходите. – Сторож открыл мне боковую дверь и указал на хлипкую табуретку рядом со своим стулом. Я хоть и вешу чуть больше пятидесяти, посмотрела на нее с недоверием, но присесть пришлось. На стол перед Макаром Игнатовичем я поставила-таки принесенную бутылку, увидела рядом с собой кружку и протянула ему.

– Пейте, пока не нагрелось, – предложила я. – Последние сутки у вас тяжелые выдались.

– На работе не пьем. – Дед оказался не так-то прост и без боя сдаваться не собирался. Поставил бутылку под стол и развернулся ко мне.

– Как прошла сегодняшняя ночь?

– Да как обычно, – пожал он плечами.

– Камер у вас тут нет?

– Все на мне, да и кого тут стеречь?

– А снаружи?

– На улице три штуки висят. Одна над главным входом, вторая напротив и третья у приемника.

– А есть еще выходы из здания, кроме главного?

– А как же! На каждой стороне по запасному. Все как положено!

– Они на камеры попадают?

– Нет, – покачал головой сторож.

– Правильно понимаю, что те, кто входит и выходит из здания, в основном делают это здесь? – Я кивнула на главный вход.

– Все правильно, если не через приемник, то тут.

– За последние сутки много было посетителей?

– Вы же видите, что тут творится, – с ухмылкой кивнул он на толпу в холле.

– Ярослава, санитара дежурного, вы ночью видели?

– А как же. Когда не везут никого, милое дело телевизор вместе посмотреть или партеечку сыграть. – Макар Игнатович бросил взгляд на засаленную колоду карт, которая лежала на небольшом стеллаже.

– А давно вы тут работаете?

– Да как на пенсию вышел, так и устроился. Дети у меня в соседней области, у всех семьи. С женой я в разводе, а одному скучно, да и деньги не лишние.

– Тяжело такая работа дается?

– А я-то что, – пожал плечами сторож. – Мое дело нехитрое. Это санитарам с экспертами достается. Бывает, такого понарассказывают, что у меня, старика, волосы дыбом встают.

– Например?

– Вот ты, красавица, знаешь, что люди после смерти могут звуки издавать?

– Не-ет, – протянула я.

– И я бы не поверил, если бы своими ушами не слышал!

– Ничего себе. – Я прикрыла рот рукой в притворном изумлении, а сама отметила, что сторож легко может покинуть свой пост. – После такого грех не выпить. Борис Леонидович сказал, что нисколько не препятствует и даже в некотором роде поощряет, работа-то тяжелая.

– Это да, – деловито согласился сторож, а потом махнул рукой и достал принесенную мной бутылку. – Нагреется ведь и правда…

– Идеально с похмелья, – осторожно улыбнулась я.

– Да что ты, какое похмелье? Или думаешь, мы с Яриком ночью злоупотребляли? Так с ним и не напьешься особо, – усмехнулся старик и сделал глоток. – То ли дело Серега! По правде сказать, я бы скорее поверил, что в его смену такое могло произойти.

– Какое?

– Ну что трупов утром недосчитались.

– Это почему? Он что-то рассказывал?

– Да ничего он не рассказывал, и так видно. Подозрительный тип. Пьет как лось и не пьянеет. А уж как до денег охоч! Предложи ему кто какое дело, точно бы не отказался поспособствовать.

– А когда его смена? – поинтересовалась я.

– Дай-ка гляну. – Он потянулся к стеллажу и достал толстый журнал. – Через неделю аккурат выходит он из отпуска.

– А давно он отдыхает?

– Так три недели как к матери в Тамбов уехал.

– Макар Игнатыч, больше вас не задерживаю, но попрошу сообщить, если вспомните что-то, что может пролить свет на обстоятельства сегодняшней ночи.

– Эко завернула, – ухмыльнулся он, но номер телефона записал.

В конторе я застала Селиванова за неспешным распитием кофе. Экран рабочего монитора находился в спящем режиме, а в кабинете, кроме него, никого не было. Все это наталкивало на определенные мысли.

– Работы так много, что не знаешь, за что взяться? – спросила я не без издевки.

– Просто почувствовал твое приближение, я весь внимание.

– Рассказать особо нечего: ни эксперт, ни сторож ничего не видели. Санитар уже дома после смены, достала для тебя его контакты, – ответила я и потянулась к сумке, которую бросила на облезлый кожаный диван.

– Татьяна… – начал было Антон.

– Нет! – быстро отрезала я.

– Ты даже не дослушала, – обиделся он.

– Да я и так знаю, что ты скажешь: «Допроси санитара, найди родственников трупов…»

– Можно еще свидетелей поискать, – кивнул Селиванов, нисколько не смутившись.

– Можно вообще всю работу за тебя делать, да у меня своей по горло, – отрезала я и добавила: – Думаю, что, если бы кто-то из граждан увидел, как по улицам тащат трупы или, что хуже, они сами разгуливают, наша контора уже была бы в курсе.

– Ну просто допроси санитара, и все.

– Просмотр записей с камер на тебе. Ну или найди, кто этим может заняться. На улице у морга три штуки. – Я вышла из кабинета, не дожидаясь ответа.

Я позвонила Ярославу, и мы договорились о встрече на следующий день. Суббота – время для допросов внеурочное, но дома меня все равно никто не ждал, да и побыстрее хотелось узнать подробности такого загадочного исчезновения. То ли для того, чтобы скорее забыть об этих трупах, то ли потому, что я слишком любопытна, мне не терпелось докопаться до истины.

Вопрос, для чего кому-то понадобились трупы, не давал покоя. Сомнительно, что их выкрали с намерением продать на органы, но совсем такую вероятность отметать не стоит. Возможно, целью было скрыть следы какого-то преступления – это объясняет то, что исчезли они до вскрытия. Только вот нестыковка: поступили они в разное время, а понадобились кому-то вместе.

Я отправилась домой, где первым делом открыла ноутбук. Там меня ждали два письма от Беспалова. Я внимательно изучила каждое, но вопросов стало только больше.

Одна из пропавших, Людмила Ивановна Светлова, поступила в одиннадцатом часу ночи из квартиры, где проживала с матерью. Последняя обнаружила бездыханное тело дочери и сразу вызвала бригаду скорой помощи, которая диагностировала смерть и доставила девушку в морг. Именно ее готовили к вскрытию сегодня утром, без него причина кончины была не ясна. Девушка молодая, всего девятнадцать лет, без хронических заболеваний. Следов насильственной смерти предварительно обнаружить не удалось.

Вторую доставили около полуночи с места ДТП. При ней были документы, поэтому личность ее была предварительно установлена: Алла Вадимовна Лысенко. Подтвердить это смогли бы родственники после опознания: судя по документам, в результате аварии от лица девушки почти ничего не осталось. Однако опознать ее не успели. Кроме нее было еще двое пострадавших, которые ехали с ней в машине, – оба в тяжелом состоянии доставлены в областную больницу. На момент смерти покойнице исполнилось двадцать восемь, прописана она была в нашем городе и имела штамп о замужестве в паспорте. Только супруг ее, судя по всему, сейчас лежал в реанимации. Кто был вторым выжившим в аварии, указано не было, документов при нем не нашли.

Я откинулась на спинку стула и задумалась. Две молодые женщины поступают в морг с разницей в два часа. Одна внезапно скончалась у себя дома по неведомой причине, вторая – за рулем собственного авто в противоположной части города. Кроме пола их, казалось бы, ничего не связывает. Вопросов, как я и предполагала, стало только больше.

Я очень надеялась, что санитар, дежуривший сегодня ночью, сможет пролить свет на часть из них.

На следующий день я отправилась на встречу с ним. Мы договорились о разговоре в кофейне возле кукольного театра. Туда я добралась на автобусе, прихватив с собой заметки, которые успела сделать, изучая файлы из морга.

В помещении был лишь один мужчина без компании. Я решительно направилась в его сторону.

– Ярослав?

– Татьяна Юрьевна? – уточнил он в ответ. Я представляла его огромным суровым мужчиной, а на деле передо мной сидел улыбчивый молодой человек среднего телосложения. Светлые волосы коротко стриженны, глаза добрые, а на щеках едва заметная россыпь веснушек.

– Постараюсь не отнять у вас много времени, – заверила я. – Меня интересуют все, даже мельчайшие подробности вашего последнего дежурства.

– Смены у нас с восьми до восьми. Те, которые исчезли, были первыми, кого в мое дежурство привезли.

– После них был кто-то?

– Да, в три часа ночи доставили старика, а следом за ним – женщину. Первого нашли в собственном подъезде на лестничной клетке соседи. А женщина была со множеством ножевых ранений, думаю, муж постарался.

– А возраст ее помните?

– Тридцать, если не ошибаюсь. – Он инстинктивно поморщился, видимо, вспоминая поступившую.

– Но она никуда не делась?

– Нет, на месте.

– А сможете описать внешность всех трех женщин?

– Та, что второй поступила, после ДТП, – там вместо лица месиво было. Могу сказать только, что блондинка, волосы не очень длинные и, похоже, крашеные. Роста небольшого совсем, стройная. Первая же, наоборот, как новенькая… – Он осекся. – Извините.

– Ничего, ничего, продолжайте.

– Молоденькая совсем и красотка. Фигура как у модели: высокая, подтянутая. Лицо симпатичное, и волосы длинные очень, в косу заплетены были.

– А цвет?

– Светло-русый.

– А та, что с ножевыми ранениями?

– Среднеазиатской внешности она. Так тело до сих пор у нас, может, посмотреть хотите?

– Нет, обойдусь вашим описанием, – заверила я.

– В теле, не толстуха, но крупная женщина, – продолжил санитар. – Я еще удивился – кто ж ее одолеть-то смог, хотя с ножом дело нехитрое. Если знаешь, куда удар наносить, вопрос пары секунд.

– Я знаю, – не сдержалась я. Уж про ножевые ранения я знала прекрасно с детства получше любого санитара.

– Ну да, вы же из полиции, – улыбнулся Ярослав и отхлебнул кофе. Конечно, он не знал, где и как я росла, поэтому место моей работы было для него самым простым объяснением.

Отец – а росла я без матери – с раннего возраста учил меня разным премудростям: виртуозно вскрывать замки, прятаться от слежки, незаметно проникать в помещения. Кроме того, именно с ним я освоила различные приемы самообороны и нападения, благодаря чему и получила должность инструктора по физической подготовке в полиции.

Остальное я постигала уже в детдоме после того, как отец однажды исчез, предварительно снабдив меня подробными инструкциями. Я отправилась в полицейский участок и назвала код: «14091520 Тайна», как и велел отец. Тайной он всегда называл меня, а вот о значении цифр я не догадывалась. Не знаю, поняли ли что-то из этого шифра полицейские, детские психологи и серьезные дяди в костюмах, навещавшие одиннадцатилетнюю меня, но, по крайней мере, открыто не смеялись. Зато после многочисленных утомительных бесед определили в детдом.

Там по мере взросления я всерьез начала сомневаться в адекватности собственного родителя. Разумеется, в детстве, когда мы меняли места жительства каждые пару месяцев и держались от всех особняком, я была уверена, что он ни много ни мало тайный агент. Однако в

подростковом возрасте эта версия начала всерьез трещать по швам. Особенно после того, как я поняла и приняла то, что, вопреки обещаниям, он за мной не вернется. Никогда.

Не впасть в отчаяние мне помогали мои друзья по детскому дому. Все они тоже были, прямо скажем, непростыми ребятами.

Взять хотя бы мою подругу детства Дуню Стрекалову. Девчонка выросла в землянке, так как ее родители всерьез готовились встречать конец света. Делать это в глухом лесу им представлялось наиболее логичным. Она знала все о выживании в любых условиях. По химии и биологии, в отличии от других предметов, у Дуни всегда были твердые пятерки с плюсом, она с малолетства знала все о любых растениях, ядах и соединениях. До того как ей успело исполниться восемнадцать, из детдома ее забрал отец. Мать к тому моменту уже много лет лежала в психушке, а он обзавелся квартирой в Самаре, куда и забрал дочь.

Незадолго до того как Дуня покинула наш коллектив, внезапно объявившийся родственник забрал еще одного нашего друга – Славу Лаваля, которого мы предпочли называть Лавой. Он оказался в детдоме после того, как его родители были зверски убиты в собственном доме. Лава был уверен, что виной тому деятельность его отца: тот был компьютерным гением, способным грабить банки, не выходя из дома. Разумеется, Лава от него многому научился и, когда у него появился ноутбук, не преминул нам свои способности продемонстрировать. Кстати, с техникой ему помог Ланселот. Мы называли его просто Ланс, уж больно затейливое имя. Фамилия, кстати, на удивление обычная – Трегубов.

С ним у меня когда-то были самые близкие отношения. Именно он стал моей первой влюбленностью и первым мужчиной. Я была очарована им ровно до тех пор, пока он не сбежал из детдома, бросив влюбленную дуру в моем лице плакать и страдать в одиночестве.

Если с Дуней мы худо-бедно поддерживали контакт, созваниваясь, а Лава нет-нет, да и отправлял мне загадочные письма вроде: «Не верь Лансу» и «Я тебя найду, не ищи меня», то от Ланселота долгое время не было ни слуху ни духу.

Объявилась моя первая любовь в самый неподходящий момент пару месяцев назад, когда я расследовала гибель своего жениха в соседнем областном центре. Целью визита, кстати, была вовсе не я, а бандитский общак. Именно его вместе со мной он погрузил в машину, угрожая оружием. Я такого шага не оценила и поспешила смыться. Тем более что, как оказалось, он был знаком с моим женихом до того, как нас с Егором представили друг другу. Все это мне жуть как не понравилось, и я поспешила сдать Ланса браткам, чей общак он решил прибрать к рукам.

Признаться, даже не пыталась интересоваться, что с ним стало после нашей последней встречи. Уверена, он выкрутился. Это получалось у него превосходно. Лучше этого, пожалуй, он только владел оружием. В том числе и холодным.

История его появления в детдоме менялась слишком часто, но основными легендами были детство в цыганском таборе и цирковое семейство. В ходе представления отец его якобы метал ножи в стоящую у щита мать. Те оказывались в миллиметре от нее. Заканчивалось действо выстрелом из лука в яблоко, которое она держала у себя на голове.

Именно он научил меня обращаться с ножами, и я точно знала, что любого противника, даже грузную женщину, можно повергнуть мгновенно, если знать, куда наносить удар.

– Ну как, есть предположения? – Голос Ярослава вернул меня в реальность: должно быть, он думал, что я размышляю над исчезновением.

– Пока нет, зато есть вопросы. – Я потрясла головой, чтобы выдернуть себя из воспоминаний, и посмотрела ему прямо в глаза. – Когда последний раз вы видели исчезнувшие тела?

– В три тридцать, после того, как последнее поступило.

– Они точно были на месте?

– Абсолютно!

– Ничего необычного в тот момент вы не заметили?

– Нет, тогда все находилось на своих местах. Посторонних тоже не было.

– Кто обнаружил пропажу?

– Как только Витька заступил, я ему смену передавать стал. В восемь у нас эксперты работу начинают. Ну я и повел его, как обычно у нас происходит, в отстойник – показывать, кто первый, кто второй.

– Так вы и поняли, что ни первого, ни второго там не оказалось?

– Да. Я, как зашел, сразу увидел, что все не так. Мало того, что тел нет, еще и свет не горит в помещении, хотя мы не выключаем. Да и бардак какой-то – ящики в стеллажах выдвинуты. И знаете, будто какой-то сквозняк…

– Вы суеверный? – нахмурилась я.

– Нет, – коротко ответил санитар и потер лоб. – Мы сразу всех на уши подняли, расспросили. Никто ничего не видел и не слышал. Ни следов взлома, ничего.

– А сами вы с половины четвертого до восьми что делали?

– В ординаторской был, – удивился моему вопросу Ярослав. – Наши клиенты неприхотливые, есть не просят. Сами мы с ними время проводить тоже не стремимся. Ночью оно как: мы приняли тело и бумаги на него, все по своим местам разложили и свободны.

– В ординаторской кто-то кроме вас был?

– Не было. Макар Игнатыч наверху только, у себя.

– Вы к нему поднимались?

– Да, ближе к шести кофе попили у него на посту, в карты перекинулись. У нас это не запрещено.

– Ярослав, – я выдала свою лучшую улыбку, – зачем кому-то могли понадобиться два женских трупа?

– Понятия не имею, – развел он руками.

– Кто-то незаметно проникает в морг и похищает два трупа. Вряд ли из-за зубов, верно? – взяла я инициативу в свои руки.

– Не понимаю, о чем вы, – смутился Ярослав.

– Ваш начальник рассказал мне о побочном заработке, – я подмигнула. – Может быть, были еще какие-то возможности заработать?

– Как, например? – В глазах Ярослава появился интерес. Подкидывать идеи ему, конечно, не хотелось, но все же я продолжила:

– Есть черный рынок органов, есть люди, готовые платить, чтобы остаться наедине с трупами, в конце концов.

– Некрофилы, что ли? – Парень вскинул брови и выпучил глаза, будто я только что заявила, что позади меня – отряд марсиан.

– Они самые, – я кивнула. – А в Питере, слышали, новая забава – расчленять и властвовать?

– Слышал, – смутившись, ответил Ярослав. – Так там это не отходя от кассы. Сначала убивают, потом расчленяют.

– Минуя морг? – ухмыльнулась я.

– Ну да, – смутился он.

– Но мы же не в Питере, а дурной пример, как водится, заразительный. Признайтесь, может быть, не вам, а вашим коллегам поступали какие-либо заманчивые предложения?

– Послушайте, Татьяна Юрьевна, я все понимаю: дело странное, но какие-то нездоровые у вас версии.

– Хорошо, с удовольствием послушаю ваши – я уже, между прочим, предлагала высказаться, – заметила я.

– Может быть, кому-то было выгодно, чтобы вскрытие не состоялось? – осторожно предположил он.

– Я думала об этом, но вот нестыковка – одна попадает в ДТП, будучи сама за рулем, а вторая умирает своей смертью в собственной квартире. Все это с промежутком в пару часов и на расстоянии десяти-пятнадцати километров. Складывается впечатление, что цель все-таки сами тела, а не личности.

– Это как?

– Кому-то понадобились два женских трупа.

– Кому? – удивился Ярослав.

– Это мне и предстоит выяснить. – Я простилась, поняв, что ничего полезного от него сегодня не услышу.

В выходные я была уверена в том, что доложу о результатах Селиванову и предоставлю ему возможность разбираться со всем этим самостоятельно, но утром я уже направлялась не в контору, а в областную больницу.

К сожалению, с Лысенко мне поговорить не удалось. Ни с одним, ни со вторым. В палате интенсивной терапии пациентов с такой фамилией оказалось двое, второй выживший в аварии мужчина был родным братом мужа погибшей Аллы. Зато в коридоре у палаты я издалека заметила пару лет пятидесяти. Оба выглядели совершенно убитыми горем. «Еще бы, сразу два сына в таком состоянии». Однако я ошиблась. Как рассказала медсестра на посту, это были тесть и теща одного из пострадавших. Я записала их имена, поинтересовалась самочувствием братьев и направилась к палате. Посчитав удачей застать родителей Аллы здесь, я представилась и присела напротив пары. Женщина комкала в руках бумажный платок. На каштановых волосах – черная траурная лента из мелкого кружева.

Какое-то время мы пребывали в молчании. Мужчина смотрел в одну точку и будто бы не замечал моего присутствия. Выглядел он несколько бодрее и собраннее жены. Темные брови сведены у переносицы, губы поджаты. Первой нарушила тишину женщина. И без того миниатюрная, сейчас она смотрелась буквально крошечной, ссутулившись и обхватив себя руками.

– Аллочка ведь десять лет за рулем, права получила, как только восемнадцать исполнилось, – сказала женщина, тяжело вздыхая. – И вот, кто бы мог подумать, что вот так…

– Ирина Ивановна, расскажите о вашей дочери, – тихо попросила я.

Мне казалось, что я прекрасно понимаю ее состояние. Хотя потеря ребенка вряд ли может встать в один ряд с потерей жениха.

– Она замечательная, закончила математический факультет нашего института с красным дипломом. Ее сразу в банк взяли, дослужилась уже до руководителя отдела, – не без гордости начала женщина, на лице даже возникло подобие улыбки. – Кирилл – один из постоянных клиентов. Так красиво за ней ухаживал. Два года назад свадьбу сыграли, вот-вот внуков ждали.

– Алла была беременна? – уточнила я.

– Вроде бы нет, – неуверенно ответила Ирина Ивановна и бросила взгляд на мужа. Тот наконец повернулся к нам.

– Вскрытие покажет. – Он тяжело поднялся со стула и неспешно пошел в другой конец коридора.

– До сих пор поверить не могу, что все это случилось с нами. Может быть, это и не она была? Возможно ведь такое? – с надеждой посмотрела на меня женщина мокрыми от слез глазами.

– Боюсь, что она, при ней обнаружили водительское удостоверение, – не стала я лукавить.

Тем временем все внутри у меня сжалось, ведь скоро этим несчастным людям предстояло узнать о том, что тело их дочери загадочно исчезло. Если, конечно, его оперативно не найдут. Точнее, не найдем. Было совершенно очевидно, что я уже погрязла в расследовании по самые уши.

Женщина не сводила с меня взгляда. Ее худые плечи то медленно поднимались, то резко опускались, будто из нее выходила жизнь.

– А почему вы Аллочкой интересуетесь? Водитель грузовика ведь только парой царапин отделался, да и вина там скорее на нем, как я поняла.

– Вы все правильно поняли, – кивнула я и продолжила: – Простая формальность. А есть ли у вас фото дочери?

– Конечно. – Ирина Ивановна тут же полезла в сумку за смартфоном, нашла нужный снимок и протянула мне. – Вот, это они с Кирюшей на второй годовщине свадьбы, в конце августа.

– Красивая пара, – кивнула я, попросив переслать мне снимок.

Я говорила чистую правду: с фотографии на меня смотрела миниатюрная кареглазая девушка с платиновыми волосами и роскошной улыбкой. Рядом муж, он казался выше ее чуть ли не в два раза. Серьезный, подтянутый брюнет в очках. Его лазурный галстук гармонировал с элегантным платьем супруги.

– Ира, выпей, – тяжелым голосом произнес отец Аллы, материализовавшийся рядом с пластиковым стаканчиком воды.

– Вадик, неужели это все в самом деле происходит с нами? – задала вопрос Ирина Ивановна будто бы мужу, но на самом деле в никуда.

Ответа не последовало. Мужчина присел рядом, тяжело вздохнул, взял за руку жену и опустил седеющую макушку на ее плечо. Мне совершенно не хотелось мучить этих людей, но все-таки осталась пара вопросов, которые необходимо было задать.

– Значит, отношения с мужем у нее были хорошие. Может быть, какие-то конфликты на работе, с друзьями?

– Вы что же, думаете, кто-то мог это подстроить? – женщина в ужасе вскинула брови.

– Мы обязаны проверить все версии, а экспертиза покажет исправность автомобиля и обстоятельства аварии, – терпеливо объяснила я.

– Нет, – она опустила голову и покачала ею из стороны в сторону, – она вообще неконфликтная у нас, добрая, ласковая.

– Последнее время не было ли каких-то странностей в ее поведении или в окружении?

– Да не было ничего такого, – резко ответил Вадим Сергеевич.

– Светлова Людмила Ивановна была ли в кругу общения вашей семьи или братьев? – назвала я имя другой пропавшей и описала ее. – Девятнадцать лет, модельная внешность, длинные светлые волосы.

– Нет, – произнесла Ирина Ивановна после некоторых раздумий, Вадим Сергеевич тоже покачал головой.

– Не хочу вас больше задерживать. – Я кивнула в сторону палаты. – Как я могу связаться с близкими братьев?

– Так нет у них никого. Родители погибли в аварии год назад. Отец за рулем был, на месте скончался. А мать в коме пролежала, да без толку. Тоже вслед за мужем отправилась. Только Кирилл с Матвеем друг у друга и остались теперь, да мы с Вадиком. Вот только выкарабкаются ли?

Я выходила из больницы с тяжелым чувством. Свернула за угол здания и присела на лавку в больничном сквере рядом с раскидистым кленом и видом на вход в один из корпусов.

Красивая девушка и счастливая жена попадает в аварию, столкнувшись с грузовиком. Она погибает на месте, а муж и его брат в тяжелом состоянии оказываются в больнице. За год до этого похожая история происходит с их родителями, в результате оба погибают. Может ли это быть неслучайным совпадением и иметь отношение к пропаже тела Аллы?

Их с мужем семейная жизнь могла быть не такой безоблачной, как то виделось родителям. Допустим, Алла была с кем-то в сговоре. Она и ее сообщник зачем-то хотели избавиться от всех членов семьи Лысенко. В случае их гибели Алла, вероятно, становилась единственной наследницей. Вот только смерть самой женщины могла быть выгодна только еще одному наследнику. Которого, похоже, нет.

Кто-то вполне мог манипулировать ею, заставить лишить жизни собственного мужа и его брата, исходя из собственных интересов. При этом жизнь самой Аллы никакой ценности для убийцы не представляла. Соперник или конкурент одного из братьев втерся в доверие к женщине. Выбрав подходящий момент, подсыпал что-то, чтобы спровоцировать неадекватное поведение за рулем. В таком случае было бы ясно, почему тело исчезло из морга. Кто-то заметал следы.

Причина у злодея должна быть весьма существенной. Месть, то самое блюдо, которое подают холодным. Достаточный ли это повод сжить со свету пятерых представителей одной семьи?

Маловероятная версия хотя бы потому, что вместе с Аллой исчезает еще одна девушка. Разумеется, она могла быть как-то связана с ней или братьями. Родственница, подруга или любовница – почему бы и нет? Родителям Аллы вообще необязательно было знать о ее существовании. Мила Светлова тоже могла быть замешана в ДТП, и ее вскрытие кому-то также невыгодно. Похоже, нужно двигаться в этом направлении, искать связь двух погибших. Хотя покопаться в истории с аварией годичной давности тоже не помешает.

Утром я приехала на работу. Половина сотрудников в отпусках, количество моих занятий временно сократилось втрое, поэтому до вечера особых дел у меня не было. Однако Селиванов явно считал иначе. Он внимательно выслушал то, что мне удалось узнать, и невозмутимо заявил, протягивая клочок бумаги:

– Вот адрес, по которому нашли Людмилу. Поговори с ее матерью, Вероникой Павловной Светловой, узнай подробности и возвращайся, пообедаем вместе.

– Вот уж награда так награда за старания, – усмехнулась я.

– Ты против моей компании? – вскинул брови Селиванов и скорчил недовольную гримасу.

– Очень даже за, когда она по делу. Не хочешь поехать со мной? Тем более ты на машине, негоже девушку по городу гонять.

– Танечка, дел невпроворот, а вот до адреса подкину, конечно. Тем более мне все равно сейчас в комитет заехать надо, – радостно отозвался Антон и подскочил со стула, снимая со спинки свою кожанку.

– Узнай обстоятельства гибели в результате ДТП четы Лысенко, и вообще любые сведения о них были бы очень кстати. Это родители братьев, которые были пассажирами Аллы, пропавшей из морга, – попросила я уже в машине.

– Сделаю, – радостно закивал Селиванов. Он, похоже, радовался, что дело благополучно сбыл мне, даже добавил: – Что-нибудь еще?

– Поторопить экспертизу авто, за рулем которого была Алла Лысенко, сможешь?

– Не обещаю, но постараюсь. – Антон бросил взгляд на меня. – Раз для дела надо.

– Не для себя же, – фыркнула я и отвернулась к окну.

Квартира Светловых находилась в красивой высокой сталинке в районе, примыкающем к центру. Прямо напротив – парк культуры и отдыха. Слева – здание мэрии. Жилье в этом квартале стоило безумных денег. Интересно, зачем было молодой девушке из благополучного района связываться с грязным делом, способствовать аварии троих людей и рисковать собственной жизнью. Хотя в девятнадцать многие опасности не кажутся такими уж серьезными, да и просчитывать риски умеют не все даже в более зрелом возрасте.

К тому же, имеет ли она вообще причастность к страшному ДТП, предстоит еще выяснить.

Дверь из красного дуба мне открыла женщина лет тридцати пяти в лосинах и коротком топе цвета фуксии. Русые волосы собраны в высокий пучок. Я бы подумала, что оторвала ее от занятий спортом, однако в руке у нее тлела сигарета, что вряд ли можно было совмещать с физкультурой. По крайней мере, в моем представлении.

– Могу я поговорить с Вероникой Павловной Светловой? – спросила я, протягивая удостоверение.

– Это я, входите, – ответила женщина и посторонилась. Я представляла мать Людмилы совсем иначе, но не верить ей оснований не было. Кстати, на удостоверение она даже не глянула. – Извините, у меня не убрано.

– Конечно, я понимаю, – заверила я, а сама оглядела огромную гостиную, куда меня привела женщина.

Похоже, что не убрано здесь уже очень давно. Я бы сказала, лет десять. На роскошной итальянской мебели слой пыли, на ковре из-за грязи едва угадывается былой рисунок. По углам и на люстре болтается паутина, одно из кресел целиком завалено одеждой, какими-то журналами и даже посудой. На втором стоит открытый ноутбук, а на полу у кресла – три бутылки вина. Похоже, пустые. Только венецианская штукатурка на стене с изображением итальянского дворика напоминает о былой роскоши. В целом выглядит все очень удручающе.

– Садитесь. – Вероника кивнула на диван, обивка которого пестрела прожженными следами от сигарет и множеством разных пятен. – Или вы хотите посмотреть, где я ее нашла?

– Да, было бы неплохо, – легко согласилась я, радуясь возможности покинуть это помещение. Мы пошли по длинному коридору мимо кухни. Я бросила туда беглый взгляд: дверь на балкон открыта настежь, на столе горы пустых банок, коробок и каких-то упаковок, раковина завалена посудой. «Да уж, проветривание тут очень кстати», – подумала я про себя. А вслух спросила:

– Давно вы тут живете?

– С рождения, – ответила женщина сухо, открыла передо мной дверь и указала на кровать. – Вот тут она вчера и лежала. Я выйду ненадолго?

– Да, конечно. Это ее комната, верно?

– Ее, – кивнула она и исчезла в коридоре. Должно быть, матери тяжело было находиться здесь, спокойствие в голосе наверняка результат действия успокоительных препаратов.

Я огляделась. В отличие от других помещений здесь сразу бросался в глаза порядок. Мебель выглядела далеко не новой, а компьютер с огромным монитором на столе вообще воспринимался чем-то доисторическим, хотя лет двадцать назад, скорее всего, был передовым гаджетом. Но все содержалось в чистоте и порядке. На длинном стеллаже – книги аккуратными рядами. Нижняя полка выделена под детские, из которых хозяйка комнаты давно выросла, далее – художественная литература, на уровне груди – энциклопедии и учебники, преимущественно по биологии, анатомии, химии. Чуть выше начинались разные сборники с одинаковыми выцветшими корешками, изданные в прошлом веке.

Рядом с компьютером на столе – клетка. В ней довольно большая белая крыса. Я обратила внимание, что поильник и кормушка у нее пустые – вряд ли Вероника вспомнит о ней в ближайшее время. Я налила животному воды из стоящей рядом бутылки и насыпала какие-то гранулы из стеклянной банки. Крыса принялась жадно есть, а я продолжила осматривать комнату Людмилы.

Кровать застелена покрывалом золотистого цвета, поверх него – декоративные подушки. Все примято, что неудивительно, раз именно тут нашли тело девушки. Над кроватью – огромное фото, прикрепленное канцелярскими кнопками. Возможно, даже перепечатка из журнала. Высокая блондинка с распущенными волосами по пояс стоит в модельной позе. На ней пиджак

синего цвета на пару размеров больше, кожаная юбка и туфли-лодочки. Лицо миловидное, но пронзительные карие глаза добавляют строгости, особенно на контрасте со светлой копной волос. Я достала телефон и сделала снимок, предположив, что на фото – Людмила.

Рядом с кроватью тумбочка и маленький придвижной компьютерный столик. Видимо, хозяйка комнаты предпочитала пользоваться им, ведь на письменном столе с огромным монитором и клеткой просто не оставалось места. На тумбочке еще одно фото. Та же самая девушка, только лет на пять моложе, держит на коленях смеющегося пацана лет четырех. Тут же – зеленое яблоко, которое покойная не успела съесть. На столике – учебники и тетради. Я полистала их и предположила, что девушка планировала стать врачом. Ноутбук отсутствовал.

Огромное окно выходило на парк. Я вышла на балкон. Тут в горшках росли анютины глазки, некоторые даже продолжали цвести. На небольшом столике – подсвечник для уличной свечи, на стуле – плед. Похоже, хозяйка комнаты любила проводить тут время.

Я услышала, как скрипнула дверь, и вернулась в комнату. Вероника села на банкетку рядом с кроватью и скрестила руки. Я устроилась напротив за письменным столом, развернувшись лицом к собеседнице, благо стул был на колесиках.

– Вероника, расскажите, как вы обнаружили Людмилу, – попросила я.

– Милу, – поправила меня женщина. – Она терпеть не могла, когда ее полным именем называли. Не так я ее назвала, видите ли! Удивляюсь, как имя не сменила в восемнадцать. Вообще-то я уже все рассказала полицейскому, который приехал после скорой.

– Понимаю, но таковы формальности, – настаивала я. – Вы вернулись домой и обнаружили Милу тут, во сколько это было?

– Вернулась в четыре, около семи отварила пельмени и заглянула к ней в комнату, чтобы позвать на ужин. А она лежит. Я подумала: спит. Зову, а она не реагирует. Подошла, потрясла – ничего. Ну я в «Скорую» звонить. Они приехали: померла, говорят, полицейских надо. Вскоре и ваши явились, все расспросили, Милу рассмотрели. Сказали, что, скорее всего, она по естественной причине умерла.

– Это потому что при первичном осмотре не было обнаружено следов насильственной смерти, – кивнула я.

– Да, сказали, что вскрытие точную причину покажет, – пожала плечами Вероника и резко вышла из комнаты. Я подумала, что за напускным спокойствием скрывается большое горе, но она очень быстро вернулась с бутылкой вина и стаканом и вновь устроилась на кушетке. Сделала большой глоток и сказала: – Вам не предлагаю, вы при исполнении.

– Так точно! – не удержалась я от колкости, поскольку Вероника не очень походила на убитую горем мать. – Были ли у Милы какие-то проблемы со здоровьем?

– Может, и были, но мне она не рассказывала.

– Сложный возраст, желание быть во всем самостоятельной? – предположила я.

– Да у нее этот возраст лет в десять начался, сразу, как я Мартына родила, не рановато ли?

– У всех по-разному. – Я пожала плечами. – Значит, Людмила – не единственный ваш ребенок? Сколько сейчас сыну?

– Десять будет в ноябре.

– Он сейчас в школе? – предположила я.

– Мартын живет с отцом. Уже почти шесть лет.

Женщина отвернулась к окну. Я решила эту тему не развивать и вернуться к делу:

– Мила училась в медицинском?

– В колледже. Хотела ехать в Москву поступать, представляете? – усмехнулась Вероника, сделав большой глоток вина. – Я, конечно, понимаю: ЕГЭ по химии на максимальные баллы и все такое. Но где она и где столица? Кому она там нужна? К тому же жить где-то надо.

– Значит, она осталась в нашем городе и поступила в колледж?

– Ага, лучшая ученица, все дела. Мечтала заработать и свалить в свою Москву. – Вероника вдруг расхохоталась, поднялась с банкетки, достала из нижнего ящика письменного стола потрепанный журнал и протянула мне. – Узнаете?

– Это вы? – Я перевела взгляд с обложки на нее.

– Что, сильно изменилась? – ухмыльнулась Вероника.

– Нет, совсем нет, – слукавила я.

Судя по дате выпуска журнала, фото было сделано ровно двадцать лет назад. Однако женщина была вполне узнаваема.

– Мне тут шестнадцать. Агенты пророчили мне большое будущее, модельный бизнес был тогда в самом расцвете. На следующий день после выхода журнала я узнала, что беременна.

– Милой? – догадалась я.

– Да. – Она снова сделала большой глоток и вышла на балкон, оставив дверь открытой. Облокотилась на кованые перила, прикурила и продолжила, затянувшись: – Милка не любила, когда я в ее комнате курила. Хотя вообще-то это моя комната. Я тут выросла. На чем я остановилась? Ах да, ну пришлось рожать. Еще пара фотосессий, и все, гудбай, Америка, Европа и вся моя модельная карьера. Я этой дуре говорила: иди в модели, ведь все при ней. Были бы быстрые деньги, связи. Как бы не так! Портфолио сделала из-под палки, вон над кроватью снимок как раз, и все на этом. Уперлась: анестезиологом она, видите ли, хочет стать…

– А почему вы решили сохранить беременность? – осторожно поинтересовалась я. – По здоровью?

– Какое там здоровье, смеетесь? Разве оно от беременности прибавляется? Дети у вас есть? – резко переключилась она.

– Нет, – я покачала головой.

– И не надо, – отрезала Вероника. – Вот так растишь их, а они раз – и все.

– И все же, – настаивала я. – Почему не пошли на прерывание, раз были многообещающие перспективы в качестве модели?

– Отцу хотела насолить. – Она снова рассмеялась, потушила сигарету и вернулась в комнату на свое место. Вылила остатки вина в стакан и быстро его осушила. – Внук, рожденный несовершеннолетней дочерью, никак не вписывался в концепцию его мира.

– Получилось? – мягко поинтересовалась я.

– Если бы, он помер за неделю до родов…

– Что случилось?

– Старость случилась. Он старше матери на тридцать лет был. На следующий день после восемьдесят третьего дня рождения и помер. Накидался сверх меры на празднике, вот и последствия. Знать бы, что так все получится, лучше бы аборт сделала. Глядишь, жила бы сейчас где-нибудь в Милане. – Вероника потянулась было за бутылкой, но вовремя вспомнила, что та уже пуста.

– А мама?

– Мамы не стало, когда мне было семь. Покончила с собой.

– Были причины?

– Были, должно быть. – Женщина посмотрела мне прямо в глаза. – Вам же еще нет тридцати?

– Нет, – улыбнулась я.

– А она моя ровесница была. Я себя с мужиком за шестьдесят пять ну никак представить не могу. Видать, и ей не очень было. – Я сейчас вернусь. – Вероника снова вышла и через пару минут действительно вернулась с бутылкой красного и чистым стаканом. – Выпейте со мной, как вас там?

– Татьяна.

– Вот, за упокой Милкиной души. Да и родителей моих – Валентины и Павла. – Женщина протянула мне стакан – я не стала возражать, и она щедро наполнила его вином. Я поняла, что она настроена выговориться, и решила этим воспользоваться. К тому же, как только мне исполнилось одиннадцать, отец начал обучать меня, как пить и не пьянеть. В теории, разумеется.

– Молодой человек у Милы был?

– Учеба у нее была, вот и все интересы.

– А подруги?

– Подруги были, как же. Ленка вон, этажом выше живет. – Вероника посмотрела наверх. – Двадцать три бабе, а все с моей с малолетства носится.

– В колледже Мила с кем общалась?

– Почем мне знать? – удивилась женщина. – В колледже и спросите.

– Вероника, ничего странного в поведении или окружении дочери вы последнее время не замечали?

– Что у меня, своих дел нет? – ответила вопросом на вопрос собеседница.

– Вы сказали, что ваш сын живет с отцом. Мила не изъявляла желания последовать примеру брата?

– Нет, у нее отца и не было никогда. Я в шестнадцать лет залетела. Вокруг меня тогда кто только не вился. Родила Милку, и все, жизнь коту под хвост, считай. Пока она в школу не пошла. Я же одна с ней тут. – Она огляделась. – Ну а потом встретила отца Мартына, Игоря. Только недолго музыка играла. Три года мы прожили вместе в его доме, а потом все: прости-прощай, выгнал нас с Милкой, а Мартюшу отобрал.

– Вы не пытались его вернуть?

– Знаете, какие у него связи? – усмехнулась Вероника. – А я что – ни работы, ни образования. Да и привычки вредные имеются.

Это было понятно и без ее слов. Неудивительно, что мужчина долго не выдержал. Я попросила его контакты и поспешила покинуть квартиру. Уже на пороге обернулась и спросила женщину:

– Как думаете, от чего она умерла?

– Пусть патологоанатом разбирается, или как его, – развела та руками, а я подумала: «Он бы рад, найти бы тело».

Когда входная дверь за мной закрылась, я поспешила не вниз, а вверх по лестнице. На следующей площадке я позвонила сначала в одну квартиру, затем во вторую. Повезло мне только на третий раз. Дверь открыла женщина лет семидесяти, в элегантном домашнем платье, прическа подвязана бантом, губы ярко накрашены.

– Добрый день, – удивленно произнесла она, глядя на меня.

– Я ищу Елену, девушку двадцати трех лет.

– Парамонову?

– Да, – поспешила я согласиться, хотя фамилию соседки Милы, разумеется, не знала.

– Подруга? – спросила женщина, подозрительно оглядывая меня с головы до ног.

– Не совсем. – Я протянула удостоверение, которое та внимательно изучила. Пожалуй, это был первый раз, когда кого-то заинтересовали не сами корочки, а их содержимое.

– Инструктор по физической подготовке? – Вскинула брови женщина. – Зачем вам Елена понадобилась?

– Хотела поговорить с ней по поводу недавней кончины вашей соседки снизу.

– А следователя что, не могли прислать? – резонно заметила собеседница. Вот тут присутствие Селиванова очень бы пригодилось.

– Придет следователь, – заверила я. – Готовлюсь к повышению, меня послали лишь договориться о встрече.

– Вот здесь Парамоновы живут, – кивнула она на дверь напротив, в которую я безуспешно пыталась дозвониться за пару минут до этого. – Только вряд ли вы их до вечера застанете, на работе все.

– Простите, как вас зовут?

– Виталина Аркадьевна.

– Виталина Аркадьевна, скажите, а не были ли вы знакомы с бабушкой и дедушкой погибшей Людмилы?

– Я-то была. В отличие от самой Люськи. – Признаться, в положительном ответе я не сомневалась. В таких домах люди живут десятилетиями.

– Можете мне о них рассказать?

– Что ж, расскажу, глядишь, помогу вам с повышением, – подмигнула дама и пошире распахнула дверь, чтобы пропустить меня в квартиру.

Ее жилище разительно отличалось от квартиры Светловых. Везде царил образцовый порядок: люстры блестели, скатерти были накрахмалены, из кухни приятно пахло выпечкой. Мы устроились в просторной гостиной у окна. Виталина Аркадьевна поставила на круглый столик две чашки с блюдцами – на вид антикварные – и удалилась в кухню, откуда вскоре принесла изящный чайник чая из того же сервиза.

– У вас очень красиво, – произнесла я, разглядывая картины на стенах.

– В отличие от Вероники-то, конечно, – усмехнулась та. – Стараюсь, пока силы есть. Да и у Светловых хорошо было, пока Валюша с Павлом были живы. Что бы вы хотели о них узнать?

– В первую очередь что случилось с мамой Вероники? Она действительно покончила с собой?

– Что ж, начну издалека, – сказала женщина и сложила руки на коленях. – С Валюшей у нас разница, как у Людмилы с Еленой – четыре года. Как она за Павла вышла замуж и сюда въехала, мы и подружились. Муж мой покойный, летчик, в постоянных командировках. Ее профессор целыми днями в институте. Вот мы и сошлись. Когда Ника родилась, я, бывало, с ней оставалась: своих детей у нас с мужем не случилось, поэтому я была рада иногда примерить на себя роль матери. Только Павел это не очень поощрял. Он считал, что Валентина должна со всем сама управляться: и с огромной квартирой, и с ребенком.

– То есть отношения у них были не самые теплые?

– Что же, он любил ее очень, только уж больно хотел при себе держать все время: работать запрещал, подруг не жаловал, а уж друзей тем более. Еще бы: тридцать лет разницы, шутка ли. Кто же знал, что он ее на десяток лет переживет?

– Расскажите, как именно она умерла?

– Примерно за год до смерти она от меня отдалилась. На лестнице поздоровается, но в гости не поднимется. Я-то сама к ним старалась не ходить: Павел этого не любил. Думала, это он ее против меня настроил: не только с подругами, но и с соседями общаться запретил. Ну а в мае день рождения у нее был, я купила букет, торт, пошла поздравить Валю. Она дверь отрыла и уставилась на меня: мол, что за цветы и подарки?

– Вы перепутали день? – предположила я.

– Нет, я-то все помнила, а вот она забыла. Про свой день рождения забыла, представляете? – вскинула руки Виталина Аркадьевна. – В дом она меня пускать не хотела, но я настояла. Вот тогда я и сообразила, что что-то не ладно.

– Почему? – поинтересовалась я.

– Павел порядок во всем любил, Валечка всегда старалась его поддерживать. А тут смотрю: обувь в коридоре разбросана, на кухонном столе жирные пятна, посуда в мойке лежит грязная. Не подумайте, не то чтобы она запустила дом, но было видно, что не справляется.

– Как думаете, почему?

– Ребенок взрослел, много сил отнимал, а муж требовал все больше. Сама она мне об этом не говорила, разумеется, но я-то ее хорошо знала.

– Не хватало времени?

– Сил не хватало, милочка, и, похоже, моральных. Ее бы к специалисту направить да лечение назначить, но разве Павел позволил бы?

– Думаете, у нее была депрессия?

– Я не специалист, но очень на то похоже. В общем, вышла я тогда от нее в полном недоумении, стала думать, как помочь подруге, да не успела.

– Как это случилось?

– Через пару дней после нашей встречи ее бездыханную нашли на асфальте под окнами.

– Версию об убийстве тогда не рассматривали?

– Она записку оставила. Да и не было с ней в тот день никого, кроме дочки. Дверь изнутри заперта, Павел в институте был – у него алиби; в общем, свернули расследование, так толком и не начав.

– А что было в записке, она написала что-то о причинах?

– Нет, просила у дочери прощения, и все.

– Как думаете, Вероника ее простила?

– Думаю, нет, – покачала головой соседка. – Ни мать, ни отца.

– Она считает его виновным в ее гибели?

– Она считает его виновным в том, что ее собственная жизнь пошла под откос. Когда Вали не стало, Павел решил, что будет сам ребенка воспитывать. Валюшиных родителей он к внучке и при жизни жены особо не подпускал, а тут и подавно. Мне тоже за все время пару раз доверил, когда уж совсем деваться некуда было.

– Как же он один справлялся с первоклассницей?

– А никак, росла она самой себе предоставленной. Павел, конечно, планы строил, что она по его стопам пойдет, будет историком, местечко ей у себя на факультете готовил. А она в десятом классе забеременела, будто ему назло. Нике жилось с ним несладко, вот и расплачивается до сих пор.

– Что вы имеете в виду?

– Вы же были у нее, верно? Она будто застыла в том временном промежутке, когда была любимой дочерью в счастливой семье. Алкоголь, сигареты и наркотики – это следствие ее сложного взросления, – заключила женщина и подлила чаю в чашки.

– Она работает?

– Нет, и никогда не работала, насколько я знаю.

– Откуда же деньги на существование?

– Помимо этой квартиры, у Павла была точно такая же на последнем этаже. Аренда до сих пор приносит ей очень неплохой доход.

– Хватало на содержание себя и дочери?

– На свое содержание точно, а вот после того как умерли родители Ники, Мила стала заметно хуже одеваться. Ну и о чем может быть речь, если дочка с шестнадцати лет работала, полы мыла по ночам. Девка явно пошла не в родителей, жаль, сгубили ее так рано.

Выходит, что Мила, все детство наблюдавшая за разгульным образом жизни матери, мечтала поскорее из этого всего выбраться. Не побрезговала даже грязной работой. Надеяться она явно могла только на саму себя.

– А что со вторым ребенком Вероники?

– Так у отца он, где ему еще быть. Уж не знаю, как Ника того мужика охмурила, но он быстро понял, что к чему, и поспешил ретироваться вместе с ребенком.

Я посмотрела на часы с боем, которые стояли между двумя окнами в гостиной. Через двадцать пять минут у меня начиналось занятие, следовало поторопиться. Я решила, что Вита-

лина Аркадьевна может быть осведомлена о делах Милы даже лучше родной матери, и показала ей фото погибшей Аллы.

– Скажите, эту девушку вы когда-нибудь видели вместе с Людмилой?

– Это вы лучше у Елены спросите.

– Не могли бы вы передать ей номер следователя, – попросила я и записала телефон и имя Селиванова, решив, что так будет надежнее.

– Разумеется, – заверила меня женщина.

До работы я домчалась на такси в рекордные сроки. В зал вбежала запыхавшись, даже не успела переодеться. К своему удивлению, обнаружила, что он пуст. Тогда я отправилась в раздевалку и все-таки облачилась в спортивную форму. Когда вернулась, в помещении по-прежнему никого не было. Для порядка я подождала минут пятнадцать, а затем направилась в кабинет начальства.

– Танечка. – Начальство встретило меня в компании Селиванова, оба радостно улыбались, хотя причин для веселья вроде бы не было.

– Геннадий Михайлович, где все? Ко мне на занятие никто не явился. Антон Борисович, между прочим, тоже. – Я выразительно посмотрела на Селиванова.

– Так кто в отпусках, кто болеет. Не зря же я попросил тебя помочь следствию, – подмигнул Геннадий Михайлович. – Кстати, Антон Борисович мне как раз докладывал о ваших совместных успехах.

– Совместных? – вскинула я брови в удивлении и даже опустилась на диван, скрестила руки на груди и продолжила: – Или я чего-то не знаю и Антон Борисович успел что-то сделать для расследования?

– Татьяна, – откашлялся тот и выразительно на меня посмотрел. – Я поручил коллегам предоставить нам всю информацию об аварии, в которую попали родители братьев Лысенко.

– Феноменально! – В притворном восторге я даже похлопала в ладоши. – Думаю, учитывая прогресс, ты вполне справишься с расследованием один.

– Танюша, – жалобно позвало начальство, когда я поднялась с дивана и направилась в сторону выхода. – Поскольку явка на занятия сейчас очень низкая…

– Нулевая, – оборвала я Геннадия Михайловича. – Кто-то так долго докладывает о своих успехах, что не успевает посещать инструктаж.

– В общем, я отменяю твои занятия на ближайшее время. Возобновим, как только сотрудники вернутся из отпусков и больничных. Ну а вы с Антоном сможете спокойно продолжить расследование.

– Селиванов, сегодня-завтра тебе позвонит Елена Парамонова – это подруга покойной Людмилы. Я хочу присутствовать при беседе.

Я знала, что спорить с начальством бесполезно, поэтому быстро удалилась, закрыв за собой дверь громче обычного. В отличие от Селиванова, я не спешила докладывать коллегам об успехах, потому что справедливо полагала, что их пока нет.

Дома я обнаружила в холодильнике зияющую пустоту: с этим расследованием у меня совсем вылетело из головы, что я собиралась сделать покупки в магазине. Все сегодняшние беседы, как ни странно, отняли у меня гораздо больше сил, чем инструкторская работа, и я заказала доставку еды на дом.

Пока ждала курьера, решила принять душ. Заодно попыталась свести воедино все, что я смогла узнать о Людмиле Светловой, которая в девятнадцать лет была найдена мертвой в своей комнате без видимых следов насильственной смерти.

Итак, профессорская дочка Вероника в шестнадцать лет оказывается в незапланированном интересном положении. Понимая, что планы отца на ее дальнейшую жизнь сильно отли-

чаются от ее собственных, она решает рожать ему назло. Однако родитель появления внучки не дожидается и умирает за несколько дней до ее рождения.

Легко представить, как жилось Людмиле с молодой матерью, которая к тому же вела не самую образцовую жизнь. Очевидно, что контакта у них особого не было. Вероника, похоже, совсем не сокрушалась о смерти дочери, да и о потере опеки над сыном, судя по всему, тоже. Желание молодой девушки выбраться из этой пучины было мне вполне понятно. Конечно, столица и карьера врача виделись ей прекрасным вариантом, тем более что способности у нее, судя по всему, к лекарскому делу были.

Добровольный уход из жизни виделся мне в этой ситуации маловероятным. У Людмилы явно были планы на дальнейшую жизнь. Не стала бы она мыть полы, чтобы накопить на проживание в Москве, если бы не имела конкретной цели. Кроме того, ни записки, ничего, что могло бы указывать на самоубийство, в предварительных документах не значилось.

«Надо попросить медицинскую карту Людмилы, если, конечно, Вероника вообще что-нибудь знает о ее существовании в квартире», – подумала я, когда в дверь позвонили. Курьер доставил азиатскую лапшу еще горячей, и я съела ее, кажется, слишком быстро. После еды меня потянуло в сон, и я не стала этому сопротивляться.

Однако уже в кровати мысли о расследовании еще какое-то время не давали мне уснуть. Что, если все-таки судьбы пропавших девушек никак не связаны? Может быть, дело в их схожей внешности: обе симпатичные темноглазые блондинки, стройные, молодые. Вдруг мы имеем дело с маньяком и вскоре пропадут другие тела с похожими внешними данными? По крайней мере, это объяснение казалось мне более здравым, чем то, что их тела понадобились для каких-то манипуляций или экспериментов.

Вскоре я уснула. Мне снилось, будто я гуляю по бесконечным коридорам морга и заглядываю в каждую дверь в надежде обнаружить там тела Аллы и Людмилы. В какой-то момент я захожу в очередную комнату, и на меня с потолка падает чья-то рука. На этом моменте я, конечно, взвизгнула и проснулась от звука собственного голоса. Взяла телефон: до звонка будильника оставалось всего пять минут. Я неспешно встала, сунув ноги в мягкие серые тапочки, и отправилась в ванную.

Включила музыку, сделала себе кофе, напевая под нос. С чашкой в руках развернулась к столу и остолбенела. Прямо посередине громоздилось то, что я сперва приняла за окровавленный кусок сырого мяса. Подойдя поближе, увидела, что это сердце. Оно не просто лежало на столе, в него был вонзен кухонный нож. Я не без усилия выдернула его: он довольно глубоко вошел в столешницу.

С ножом в руках я бросилась к входной двери, она оказалась заперта. Я и так прекрасно помнила, как поворачивала замок, провожая курьера. Но я сама могла открыть любой замок бесшумно и очень быстро, поэтому прекрасно знала, что в квартиру можно проникнуть незаметно.

– Что все это значит? – вслух задала я вопрос в пустоту и вернулась к столу.

Сердце было величиной примерно с чашку, из которой я пила кофе. Мне не хотелось даже думать о том, что оно может быть человеческим. Похоже, кто-то решил запугать меня в надежде, что я прекращу расследование. Не на ту напали. Я положила сердце в пакет, быстро оделась и направилась в контору, залпом выпив уже остывший кофе.

Селиванов с кем-то разговаривал по телефону, когда я вошла в его кабинет. Судя по всему, речь шла о предстоящей приятной встрече в футбольном баре. Решив, что пустая болтовня может подождать, я подошла к столу и вывалила окровавленное сердце прямо перед следователем.

– С ума сошла? – Он подскочил со стула, не сводя взгляда с нового объекта на своем столе. – Что это?

– Подарок.

– Лучше бы ты поужинать со мной согласилась. Погоди, или ты собралась приготовить потрошки? Я все эти субпродукты не очень, особенно в таком виде, – поморщился Селиванов и наконец вспомнил о телефоне у своего уха. – Я перезвоню.

– Так и я не очень.

– Таня, объясни наконец, что случилось? Ты обиделась, что я начальству без тебя о ходе расследования пошел докладывать? Так он меня сам вызвал. И твое занятие я бы никогда не пропустил. Ты же знаешь, как я к тебе отношусь.

– Я нашла это у себя в кухне, – не обращая внимания на его оправдания, пояснила я.

– Ну так и оставила бы там, сварила бы солянку, или куда там это добавляют? Не вижу повода тащить сюда и вываливать на мои бумаги. Кстати, протокол важного допроса! – Селиванов с печалью смотрел, как все больше слоев бумаги пропитываются и становятся розовыми.

– Ты не понял. Я, так же как и ты, ни печень, ни сердце, ни куриные желудочки не жалую. Хотя говорят, что вкусно. Я не покупала никакого сердца и уж тем более не приносила его в свою кухню. Вечером его там не было, а утром появилось.

– Так, – сказал Антон совсем другим тоном и медленно опустился на стул. Придвинулся поближе и стал разглядывать сердце. – Что это может значить?

– Вряд ли что-то хорошее, потому что кто-то со всей силы пригвоздил его к моему столу кухонным ножом.

– Бред какой-то, – изрек Селиванов.

– Кому-то очень хочется, чтобы мы не искали трупы, и он решил запугать меня таким образом.

– Вырезали сердце у одной из пропавших, пробрались ночью к тебе в квартиру и подкинули орган? А если бы ты проснулась?

– Смогла бы постоять за себя, не переживай.

– Как-то очень уж замороченно, ты не находишь?

– Ну да, проще сразу убить, – сострила я.

– Вообще выглядит свежим, – задумчиво произнес Селиванов, продолжая подробно изучать мою находку.

– Сегодня из морга блондинки не пропадали?

– Сейчас позвоню ребятам, – кивнул он и потянулся к телефону, восприняв мои слова вполне серьезно.

Пока он разговаривал, я сбросила сердце с пачки бумаг обратно в пакет и завязала его. Селиванов посмотрел на часы, дал отбой собеседнику и обратился ко мне:

– На двенадцать тридцать я встречу назначил с Еленой, подругой убитой. Как раз закинем орган ребятам по пути к ней, пусть изучают.

– А трупы как? На месте?

– Они пошли проверять, – заверил Антон, а я в очередной раз убедилась, что порядком в бюро по-прежнему не пахнет.

– Есть какие-нибудь мысли, о лучший следователь? – съязвила я уже в машине.

– Честно говоря, думал, что вся эта история с исчезновением трупов – какая-то ерунда. Мало ли кто в пьяном угаре решил ночью пробраться в морг и пошутить. Да и вообще, на свете столько извращенцев… Теперь же я в замешательстве.

– Либо мы имеем дело с заметанием следов какого-то преступления, либо трупы понадобились каким-то серьезным ребятам для не менее серьезных дел.

– Это каких, например? – поинтересовался Селиванов.

– На свете столько извращенцев, – повторила я его слова и пожала плечами.

– Не знаю, Тань, что и думать, – он покачал головой. – На органы вроде бы живых выгоднее похищать.

– Это смотря на какие органы, да с живыми и мороки больше.

К этому моменту мы подъехали к ресторану «Акация», где работала Елена. Нас встретила хостес, которую Антон попросил позвать управляющую. Вскоре из стеклянной двери к нам вышла милая девушка с русыми кудрявыми волосами, в кожаной юбке по колено и темно-синей блузке. Мы устроились за огромным столом в отдельном зале, предназначавшемся, судя по всему, для банкетов. Елена предложила нам напитки. Я вежливо отказалась, а Селиванов попросил капучино, поправив воротник рубашки, который торчал из его заношенного джемпера.

– Второй день, как на работу вышла: сперва поверить не могла, что она… – Девушка махнула рукой, не желая продолжать, и потянулась за салфеткой, чтобы промокнуть глаза, к которым подступили слезы.

– Извините, что пришлось вас потревожить: дело в том, что от Вероники Павловны нам очень мало удалось узнать о Людмиле, – пояснил Селиванов и быстро добавил, выразительно на меня посмотрев: – Татьяне Юрьевне удалось.

– Да, отношения у них никогда не клеились. Я ведь Милу с самого детства знаю. Мы утром в школу вместе ходили, а потом домой после уроков. Пока я не выпустилась. Она младше на четыре года, и Вероника Павловна была рада возложить на меня хотя бы эту часть забот. А я и довольна была. Мила хоть и мелкая, но такая интересная девчушка была, нам с ней очень весело было. В общем, мы подружились. Столько лет душа в душу, и вот ее уже нет.

– Лена, у Милы были какие-то проблемы со здоровьем? – поинтересовалась я.

– Насколько я знаю, нет. Она ведь на медсестру училась, мечтала врачом стать. За здоровьем следила, не помню, чтобы когда-то жаловалась на что-то кроме зубной боли или простуды.

– Мне ваша соседка по этажу рассказала, что Мила совмещала учебу с работой.

– Да, она мечтала о Москве. Я вот никогда туда не стремилась, но она просто грезила медициной. Самое интересное, что реально в ней соображала. Легко поступила бы, и общагу бы дали. Она ЕГЭ по химии на какие-то заоблачные баллы сдала. Но Вероника Павловна уперлась, будто мстила дочери за свою нереализованность. Мила в итоге решила не ругаться с матерью окончательно и уступила. В конце концов, почему бы не попробовать поступить после медицинского колледжа. Теперь-то уже не попробует, конечно.

Лена промокнула влажные глаза и красный нос, отвернувшись. Этот разговор давался ей нелегко, они с Милой явно были очень близки. Последняя, возможно, видела в старшей подруге замену матери, участия которой ей так не хватало, вот и тянулась к Лене.

Дверь бесшумно приоткрылась, и возник румяный официант с подносом. Он принес кофе Селиванову, а заодно и нам. Поставил на стол бутылку воды со стаканами и блюдо с маленькими разноцветными пирожными, которые сразу завладели вниманием Антона. «Что, его жена не кормит, что ли?» – подумала я, а вслух сказала:

– Елена, а парень у Милы был?

– Нет, не было. Я ее в шутку профессорской внучкой называла. Хотя какая шутка? Так и есть. Она в школе год встречалась с одноклассником – первая любовь и все такое. После выпуска он на кассу в супермаркет работать пошел, и все чувства Милы сразу же испарились, – улыбнулась Лена печально, глядя куда-то вдаль. – Хотя хороший парень, добрый. Но она другой жизни хотела, Коля явно в нее не вписывался.

– А после него? Девушка молодая и, судя по фото, очень красивая, – спросила я, пока Селиванов увлеченно жевал пирожное.

– Мы с ней с подросткового возраста по кино, кафе, концертам ходили. Каждый раз с ней кто-то пытался познакомиться. Другая бы, может, на ее месте воспользовалась своей популярностью, но это был не ее путь. Несмотря на внешнюю привлекательность.

– Вы тоже очень привлекательная! – вдруг подал голос Селиванов, шумно отхлебывая кофе.

– Значит, после расставания с Колей у нее никого не было? – Ни я, ни Лена не обратили на моего коллегу никакого внимания.

– Боюсь вам соврать, – честно призналась девушка. – Последнее время она постоянно с кем-то переписывалась. От моих вопросов отмахивалась. А однажды, знаете, я к ней спустилась, а она открыла дверь с телефоном у уха. Поспешила с собеседником проститься, но я отчетливо успела расслышать мужской голос.

– Кто это был?

– Я задала ей тот же вопрос, а она ответила, что однокурсница. Это было очень странно, но я решила не лезть. Возможно, она пока не готова была делиться со мной подробностями новых отношений.

– Вы очень деликатный друг, – улыбнулась я без тени иронии. – Елена, а могла ли Мила на момент кончины быть беременна?

– В смысле? – подпрыгнул на стуле Селиванов, а я пожалела, что он не остался в конторе.

– Вряд ли, хотя кто знает, как далеко зашли те отношения, о которых она мне не спешила рассказывать.

– Вероника Павловна сообщила мне вчера, что настаивала на карьере модели для дочери.

– У Милы бы получилось. Я понимаю мысли ее матери: у самой ни образования, ни работы, даром что из такой семьи. Вот и хотела для дочери легких денег и красивой жизни. Тем более после того, как муж сына отобрал.

– Расскажите об этом.

– Мужиков у Вероники Павловны всегда полно было, что тогда, что сейчас. Вы ведь ее видели: женщина она привлекательная и молодая еще. Кроме плотских утех ее всегда интересовали деньги. Сама себя она обеспечивать не умеет. Если бы не квартира в нашем доме, которую она сдает за внушительную сумму, давно бы по миру пошла.

– Значит, она активно пользуется вниманием мужчин в своих интересах?

– Разумеется. Уж не знаю, где она с Игорем познакомилась, но закрутилось все у них очень быстро. Я уже подростком была, хорошо этот период помню: он обивал пороги с цветами – всегда с иголочки одет, причесан.

– А чем он занимается?

– Вот как раз цветами и занимается, – усмехнулась Елена. – Бизнес у него, не бедствует, в общем.

– Получается, что Вероника Павловна забеременела и перебралась к нему?

– Не совсем. Они с Милой переехали к нему буквально за пару недель до родов. Вероника Павловна была счастлива, а вот Мила совсем не хотела переезжать: и школа далеко, и мать еще больше отдалилась.

– После рождения ребенка, наверное, отношения совсем испортились?

– Спрашиваете, – покачала головой Лена. – Пока они у Игоря жили, мы с Милой только в школе виделись. Ну а спустя три года она другим человеком вернулась. Понятно, трудный возраст и все такое, но с тех пор с матерью она всякую связь потеряла.

– А почему Мартын стал жить с отцом?

– Вы условия у них в квартире видели? – Я молча кивнула. – Вот и опека тоже видела, не слепые. К тому же не думаю, что она вообще сопротивлялась. Дети для нее всегда были обузой.

– Лена, скажите, а мог ли у Вероники быть повод расправиться с дочерью?

– Что вы? – Она вскинула брови. – Нет, конечно, нет. Мила дома была тише воды ниже травы, не только не мешала, но и помогала. Кстати, часть денег из зарплаты на коммуналку отдавала. И это притом, что у матери доход от аренды и неплохое отступное пособие от Игоря.

– А где Мила работала?

– В клубе «Роксэн».

– Что за место?

– Ты что, не знаешь? – снова подал голос мой нерадивый напарник, дожевывая последнее пирожное с розовым кремом.

– Довольно популярное в узких кругах заведение. Что-то среднее между ночным клубом и массажным салоном, но только для избранной публики. Просто так туда не попасть, – объяснила Елена.

– А как же туда устроилась ваша подруга?

– Три года назад я уже здесь работала на позиции хостес, как раз факультет управления заканчивала. А хозяин нашего заведения – родной брат владельца «Роксэн». Я как-то ненароком услышала, что туда ищут уборщицу, вот Милу и посоветовала. Она как раз начинала работу искать, а им требовалась исполнительная и неболтливая, но чтоб при этом русский язык – родной. Подруга идеально подходила.

– И что входило в ее обязанности?

– В пять утра она заступала на семичасовую смену. Убирала общие зоны и массажные кабинеты, бара и кухни не касалась. Работала она быстро и, как правило, заканчивала раньше, на пары в колледж успевала.

– Как часто она там работала?

– У нее сменщица есть, Софья. Вообще они два через два по графику стояли, но на деле договаривались между собой. Софье, насколько я знаю, выходные нужны были свободные, а Миле, наоборот, чем меньше на неделе смен, тем лучше, чтобы по учебе все успевать. В общем, они между собой договаривались как-то, но пятнадцать смен в месяц каждая в итоге отрабатывала.

Я попросила номер телефона сменщицы Людмилы, а Антон старательно записал его на салфетке. По-моему, гораздо проще было бы сохранить номер в телефоне.

– Вы не думайте, – продолжила Елена. – Место работы звучит, конечно, сомнительно, но там хватает стриптизерш и массажисток. Это заведение очень высокого уровня. Ребята искали как раз ту, которая не будет заинтересована в связях с клиентами.

– Но при этом будет модельной внешности?

– Знаете, я думала, Милу не возьмут как раз потому, что слишком привлекательна. Но она сумела произвести впечатление и ни разу не подвела.

– И за все три года она не завязала роман с клиентом заведения? – с сомнением спросил Антон, не сводя глаз с построенной им на столе пирамидки из сахара.

– Сомневаюсь, но лучше поговорите с Софьей.

– Обязательно, – заверила я. – Елена, а кто отец Людмилы?

– Понятия не имею, – пожала та плечами. – Знаю, что отчество Вероника от балды написала. Мне кажется, она сама не уверена, кто папаша.

– Или скрывает это, – снова вклинился Антон.

Напоследок я показала девушке фото Аллы, назвала имя и место работы, но Елена не смогла вспомнить приятельницу Милы с таким именем, внешность ее ей тоже показалась незнакомой.

Мы простились с управляющей, поблагодарив за уделенное время, и направились к выходу. Перед самой дверью, ведущей на улицу из заведения, Селиванов вдруг остановился.

– Может, пообедаем тут?

– Ты что, не наелся? – Я выразительно посмотрела на него.

– Издеваешься? – догадался он. Тут его телефон запиликал, он поспешил ответить и все-таки открыл дверь. Уже в машине он отложил телефон в сторону и с довольным видом произнес: – Есть две новости.

– Начинай с плохой.

– Обе хорошие. Все трупы сегодня у ребят на месте.

– Рада за них. А вторая?

– Сердечко, похоже, свиное. Кстати, они спрашивают, что с ним делать, кому отдать.

– Свинье пусть отдадут, – отрезала я, и всю дорогу до конторы мы провели в молчании. Я обдумывала разговор с подругой Милы, а Селиванов, похоже, свой рацион.

– Почему ты спрашивала подругу про беременность Людмилы? – спросил он, когда мы вернулись в кабинет.

– Родители Аллы упомянули, что ждали внука.

– То есть покойная была в положении?

– Им она радостную весть не сообщала, супруг в отключке, тело исчезло – вряд ли мы доподлинно это узнаем в ближайшее время. Я бы не стала списывать версию со счетов.

Селиванов нахмурился, а я объяснила, что целью могли быть не сами девушки. Возможно, их объединяло не внешнее сходство, а именно беременность.

– И выкрали их, чтобы вынуть плод, или что? – не понял Антон.

– Или что, – передразнила я. – Может быть, мы имеем дело с каким-то оккультным сообществом. Между прочим, даже санитар намекнул, что дело попахивает мистикой.

– Этого только не хватало. – Селиванов отвернулся к окну и смачно выругался.

Подумал немного и перекрестился. Я смотрела на это с большим удивлением, что не осталось незамеченным. Тогда он пояснил:

– На всякий случай.

– Вперед, к свершениям, – скомандовала я, когда мы подъехали к конторе.

– А ты?

– Постараюсь договориться со сменщицей Милы о встрече.

– А обед? – обиженно протянул Антон.

– А обед – по расписанию.

– Это когда? – не понял он.

– У тебя не знаю, а у меня уже прошел, – ответила я и бодро зашагала прочь, оставив коллегу в недоумении у входа.

Мне хотелось побыть одной и обо всем подумать. До исчезновения отца мы постоянно меняли место жительства. Друзей я заводить попросту не успевала. Только в детском доме, будучи подростком, сколотила свою компашку: Дуня, Лава, Ланс и я. Однако наши отношения не выдержали проверки временем и сошли на нет. Конечно, у каждого были свои причины. Ясно, что Лава не просто так залег на дно. У Дуни семья, у нее другие заботы. Ну а Ланс – он никогда никому ничего не обещал. То ли цыган, то ли выросший в цирковых опилках сорвиголова, он явно не был создан для дружбы.

Единственным человеком, с которым мы сохранили общение после детдома, был Константин Павлович – бывший опер, а ныне адвокат. Он стал приезжать к нам в качестве спонсора незадолго до моего выпуска. Именно благодаря ему я поступила на юрфак: мне самой такая идея вряд ли пришла бы в голову. Ну и осела я в этом городе тоже не просто так: именно тут он жил со своей женой Мариной. Каждый вторник Костя взял за правило ужинать со мной, ведь именно он познакомил меня с моим женихом Егором и, видимо, чувствовал за собой вину за то, что я фактически овдовела.

– Костя! – вслух произнесла я, чем вызвала удивление двух старушек, дожидавшихся вместе со мной автобуса на остановке. Я совсем забыла, что сегодня вторник. Достала телефон и стала смотреть входящие сообщения.

Я быстро нашла то, что искала, – предложение встретиться в ресторанчике недалеко от их с супругой дома в половине седьмого. Марина иногда составляла нам компанию, но чаще мы встречались с Костей вдвоем. Благо его жена понимала, что он относится ко мне как к дочери, и не ревновала. Тем более что своих детей у них не было.

До встречи оставалось два часа, и я направилась домой: следовало привести себя в порядок. Не то чтобы я рассчитывала встретить сегодня в ресторане свою судьбу. Просто хотелось

отвлечься от мыслей о трупах. А что еще может переключить женские мысли так эффективно, как попытка выбрать, что надеть?

В квартиру я вошла почти бесшумно. Осторожность и так привита мне с детства, но после подарка на моем кухонном столе были опасения увидеть новые неприятные сюрпризы. Я ошиблась. Дома было все ровно так, как я оставила утром.

– А жаль, – громко крикнула я, хотелось разрядить обстановку. – Могли бы посуду помыть!

Я включила музыку и отправилась в гардеробную. Решила идти в платье, пока погода позволяла. Только вот предстояло определиться в каком. На сборы у меня ушло около часа, поэтому когда я стояла перед зеркалом в прихожей, времени как раз оставалось только на то, чтобы добраться до места.

Кажется, произвести впечатление у меня получилось. Я выбрала зеленое струящееся платье, которое выгодно подчеркивало рыжий цвет моих волос. На ногах – красные туфли на каблуке. Когда я вошла в ресторан, то ненадолго приковала взгляды, кажется, всех присутствующих.

– Шикарна, как всегда, – поцеловал меня в щеку Костя. – Рад видеть тебя такой цветущей.

– Это все внешнее, – ухмыльнулась я.

– Скучаешь? – с пониманием спросил мой собеседник, имея в виду Егора.

– Привыкла, – честно ответила я и поймала его настороженный взгляд. – Я не лукавлю, это чистая правда. Да и скучать не приходится!

По правде говоря, на это была своя причина. В ходе расследования смерти Егора пересеклись наши пути с Лазарем – загадочным типом с простреленной головой и полной потерей памяти. По всему выходило, что если Егор с крыши упал не сам, то помог ему в этом не кто иной, как мой новый знакомый. Именно ему смерть Егора могла быть максимально выгодна.

Спросить напрямую я не рискнула, да и как задать такой вопрос человеку, который ничего не помнит. Точнее, утверждает, что у него амнезия. В этом у меня были сомнения, как и в том, что Лазарь тот, за кого себя выдает. Именно поэтому я решила как можно скорее убраться из того города. Меньше знаешь – крепче спишь.

Хотя со сном у меня проблем не имелось: в детдоме, где я росла, мы были приучены спать в любых условиях и при каких угодно обстоятельствах. Однако крепкий сон ночью не означал покой днем. Смерть жениха я уже приняла, смирилась с утратой. А вот с отсутствием в моей жизни Лазаря смириться было сложнее. Я прекрасно понимала, что мне не место рядом с этим человеком, но выбросить его из головы получалось плохо.

– Рассказывай, что там у тебя? – прервал мои мысли Костя.

– В конторе у нас все разом решили, что начало осени – лучшее время для отпуска. Те немногие, кто его уже отгулял, поняли, что неплохо бы посидеть на больничном, пока другие отдыхают. Да вот незадача: из морга на прошлой неделе уводят два бездыханных тела, а расследовать это некому. – Я вкратце рассказала Косте подробности этого дела.

– Вот дела, о таком я в наших краях еще не слышал, – покачал он головой в недоумении. – Когда похищают живых людей, все как-то гораздо проще. Есть какая-то связь между двумя пропавшими?

– Разве что внешнее сходство и не такая большая разница в возрасте, девять лет.

– Знаю, что лет двадцать пять назад у нас из-за почки могли убить, но чтобы сейчас вот так выкрасть два трупа… Татьяна, даже не знаю, что и предположить.

– Кость, а о каких-нибудь оккультных сообществах, радикальных сектах в нашем городе ты что-нибудь знаешь?

– Думаешь, трупы девушек понадобились для какого-то обряда? – Он почесал щетинистый подбородок.

– Эта мысль появилась у меня, когда мать одной из жертв рассказала, что они ждали внуков. Вроде бы только теоретически, но кто знает, возможно, обе девушки были на небольших сроках беременности.

– В таком случае надо выходить на гинекологов и узистов, словом, тех специалистов, которые могут диагностировать беременность и слить информацию кому следует. Тем же самым сатанистам.

Я прекрасно понимала, что не все обращаются к специалистам до определенного времени. А потому перебирать врачей казалось мне бессмысленной затеей.

К сожалению, в тот вечер Костя ничем больше помочь мне не смог. Разве что вспомнил поющих на привокзальной площади кришнаитов и пару случаев избиения гостей из Средней Азии.

Я решила, что завтра же следует узнать о состоянии братьев Лысенко. Будет неплохо, если они смогут ответить на пару вопросов. Да и узнать подробности аварии, в которой погибли их родители, очень хотелось. Я потянулась к телефону, чтобы напомнить Селиванову, что возлагаю на эту информацию большие надежды. В этот момент пропиликало сообщение. «Легок на помине!» – подумала я, но ошиблась.

На экране всплыло уведомление о новом письме в электронной почте. «Тайна, после встречи с тобой он долго в разлуке не протянет. Помни, вот-вот Ланс появится, будь осторожна», – подписи не требовалось, я и так поняла, что мой старый друг Лава пытается уберечь меня от встречи с нашим общим знакомым. Конечно, я предпочла бы личное общение с приятелем. Мы бы не просто тепло обнялись – я задала бы Лаве все интересующие меня вопросы, коих накопилось немало.

Полученное накануне сообщение спокойствия мне не добавило, а потому утро выдалось не самым приятным. Я пыталась поднять себе настроение танцами под музыку перед зеркалом, но не особенно преуспела. Затем набрала номер областной больницы и узнала, что состояние братьев по-прежнему тяжелое. Не успела я отложить телефон, как раздался звонок.

– Татьяна, – услышала я в трубке голос Селиванова. – Ты где?

– Дома.

– Почему не в конторе?

– Ты позвонил, чтобы меня отчитать, я не понимаю? Забыл, что у меня свободный график?

– Тут ребята прислали материалы по ДТП Лысенко.

– Отлично, пересылай.

– Они по факсу прислали.

– Ох уже эти ваши допотопные методы… Никак не привыкну. Сфотографируй и отправь на электронку.

– Тань, тут качество не очень, – виновато произнес Антон.

– Ладно, так и скажи, что скучаешь без моего общества. Жене твоей, кстати, неплохо было бы тоже об этом знать.

– Конечно, скучаю, но целомудренно, – пропел Селиванов.

– Скоро буду, жди, – ответила я и отключилась.

В кабинете я взяла внушительную кипу бумаг и плюхнулась на диван напротив стола Антона. Один из листов выскользнул и упал прямо у моих ног. Я подняла его и увидела, что это карта с отметкой места, где произошло ДТП.

– Я думала, что авария у нас случилась, – удивилась я.

– Тоже так думал, поэтому ребятам пришлось напрячься.

– Молодцы, умеют, когда хотят, – довольно улыбнулась я. – Ты уже ознакомился?

– Последний год перед аварией они жили в соседнем областном центре, где и разбились. Пара на приличной скорости въехала в рекламный щит на окружной дороге. Водителю

на момент аварии было шестьдесят семь; если не ошибаюсь, в водительском удостоверении значатся «очки/линзы».

– Дело быстро закрыли, списав все на возраст и проблемы со зрением? – догадалась я.

– Экспертиза показала, что в машине отказали тормоза. Старенький «Опель» при аварии сильно пострадал, поэтому о причине неисправности в заключении можешь ничего не искать.

– То есть подозрений, что это кто-то мог сделать специально, не было?

– Возможно, были, но фактов не имелось, – пожал плечами Селиванов.

– Ясно. Ты говоришь, они прожили там год. А до того?

– Оба родились и выросли в нашем городе. Он инженер, давно был на пенсии, она недавно вышла – работала в городском цирке.

– Ого. – Я вскинула брови.

– Там какая-то административная должность, посмотришь, – он кивнул на бумаги у меня на коленях.

– Хочу еще раз поговорить с родителями Аллы. Может быть, им что-то известно об аварии, которая их зятя лишила родителей.

– Таня, у тебя же там следователь есть, который дело о гибели Егора вел, – озарило Антона.

– Субботкин, – кивнула я. – Позвоню ему, но вряд ли он сможет рассказать больше, чем написано в этих бумагах.

– Но он может поговорить с соседями, попробовать найти больше информации.

– Ага, а еще он может к нам в контору перебраться: своих-то дел у него нет, – ухмыльнулась я.

Я вышла из кабинета Селиванова и отправилась на улицу. Там я попыталась сначала позвонить родителям Аллы. Они, казалось, даже обрадовались моему звонку и готовы были уже сегодня встретится в больнице, куда собирались через час. Второй звонок я попыталась сделать Софье – коллеге Людмилы по ночному клубу, но она не ответила. Я сделала пару кругов вокруг здания и поднялась обратно в кабинет Селиванова, чтобы предложить ему сопроводить меня в больницу. Однако кабинет был пуст. Я подхватила плащ и сумку, решив прогуляться до больницы пешком и в одиночестве, но в дверях столкнулась с Антоном.

– Ты куда? – спросил он, глядя на плащ в моих руках.

– В больницу. Хотела предложить тебе составить мне компанию на допросе родителей Аллы.

– Давай сама, а? Дел невпроворот, – виновато сказал Селиванов и тут же добавил: – Кстати, хорошие новости. Только что выбил у Геннадия Михайловича для тебя командировку.

– В Сочи, надеюсь?

– Пока только в соседнюю область, – нисколько не смутился Антон.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну ты же сама сказала: Субботкину твоему некогда. Вот и поедешь на пару дней, все там разузнаешь, поговоришь с кем надо.

– Антон, а ты у меня поинтересоваться не забыл, хочу ли я туда ехать? – вполне закономерно возмутилась я.

– Ну, Танюша, тебе уже билет на вечерний экспресс оформили, – принялся канючить он.

Я нецензурно выругалась и громко хлопнула дверью, искренне надеясь, что она угодит Селиванову прямо в лоб.

– Билеты перешлю тебе на электронку, – услышала я голос из-за двери и с сожалением подумала: «Промахнулась!»

В больнице я застала родителей Аллы на том же месте, что и в прошлый раз. Вадим Сергеевич читал газету и внимания на меня предпочел не обращать. Я расспросила о самочувствии братьев и сразу перешла к интересующим меня вопросам. Если кто-то намеренно

пытается убить всю семью Лысенко, следует как можно скорее понять, у кого может быть к этому личный или корыстный интерес.

– Расскажите, были ли у братьев недоброжелатели, конкуренты? – спросила я.

– У них своя фирма по производству удобрений. Очень хорошо дела идут: не только нашу область снабжают, но и Москву. Одна такая в регионе, оттого и конкурентов нет. Все это Мотя организовал и начал, а Кирюша уж потом подтянулся, после университета. Отец его, Вениамин Андреевич, хотел, чтобы Кирилл в инженеры вслед за ним пошел.

– Но он предпочел бизнес брата?

– Да, – кивнула женщина. – И не прогадал.

– А какие отношения у братьев были с родителями?

– Нормальные, – пожала плечами женщина. – По крайней мере, о родителях они всегда уважительно отзывались.

– А вы общались с ними?

– Пару раз на семейных праздниках, – кивнула женщина. – Они все-таки были значительно старше нас с Вадиком. Но люди очень приятные, воспитанные, образованные.

– Ирина, а у Матвея есть семья, дети?

– Нет, – покачала она головой. – Не везет ему с женщинами. Он был женат еще до того, как мы познакомились. В институте познакомился с девушкой, да и женился. Но не срослось у них ничего, развелись. Уж лет пятнадцать прошло, наверное.

– Все годы, что вы его знаете, он один?

– Аллочка пыталась его со своими подругами знакомить, но как-то до серьезных отношений не доходило. Признаться, я с вопросами старалась не лезть. А теперь кто вам ответит? – Она тяжело вздохнула.

– Ирина, а вы не знаете, почему Лысенко вдруг решили переехать? Понимаю, когда пенсионеры перебираются в деревню, но тут примерно такой же крупный город с таким же климатом.

– У Лидии Львовны, как я знаю, сестра там живет. Наверное, захотелось поближе к родне быть на старости лет. – Ирина достала платок и промокнула глаза. – Извините.

Я поспешила проститься, поблагодарив за разговор. От медсестры я узнала, что состояние братьев стабильное, хоть и тяжелое. Есть надежда, что выкарабкаются. Я мысленно пожелала им этого: очень хотелось, чтобы у родителей Аллы остались хотя бы эти два брата. Пусть не родня, но все же.

Выходит, что о деловых конкурентах братьев родителям Аллы ничего не известно. Если смерть родителей Лысенко и покушение на них – дело рук недоброжелателей по бизнесу, это должны быть крупные рыбы. Таких бы заметили.

Тогда остается версия с еще одним наследником, кроме Аллы. Однако у Матвея ни детей, ни жен, а значит, из претендентов только сестра Лидии Лысенко.

В экспрессе до соседнего областного центра я почти сразу крепко заснула и проспала всю дорогу до пункта назначения. По прибытии подхватила небольшой чемодан и оказалась на платформе. В легком плаще меня продувало насквозь, я достала из сумки платок и обмотала его вокруг шеи, а затем решительно направилась к стоянке такси. Назвала адрес и думала о том, что Субботкина я даже не успела предупредить. Собиралась сделать это в поезде, но уснула. Однако сейчас я направлялась вовсе не к нему.

Вскоре такси остановилось у нужного дома. Я потопталась у подъезда. В домофон мне звонить не хотелось, поэтому я нажала на кнопку вызова консьержа и, воспользовавшись своим удостоверением, без труда попала в подъезд. На пороге знакомой квартиры я глубоко вздохнула и нажала кнопку звонка.

– Ну наконец-то, – весело поприветствовал меня Лазарь, посторонившись. Будто нисколько не был удивлен меня видеть и вообще ждал под дверью. – А я, представляешь, сегодня как раз купил бутылку игристого.

– Привет, – только и смогла произнести я.

Хотела было обратиться к нему по имени, но передумала.

– Ждал тебя гораздо раньше, Татьяна. После нашего холодного прощания встречи не искал, сама понимаешь, – продолжал он, помогая мне снять плащ. Затем опустил взгляд на чемоданчик и спросил: – Ты насовсем?

– Уже ухожу, – резко ответила я. – Это была плохая идея…

Лазарь не дал мне договорить, наклонился и стал целовать. Поначалу я пыталась сопротивляться или по крайней мере делать вид. Но он заключил меня в объятия и прижал к стене, стягивая платье. А затем и вовсе отнес в спальню, где минуты и часы потеряли значение. Когда небо уже начало светлеть, мы наконец заснули.

К счастью, лет в шесть отец научил меня легко просыпаться без будильника, это и спасло мой рабочий день. Иначе после такой бурной ночи я рисковала проспать до обеда.

Пока Лазарь спал, я приняла душ и села пить кофе, прикидывая, стоит ли звонить Субботкину сейчас или же просто нагрянуть к нему в кабинет сюрпризом. Так ничего толком и не решив, я достала из чемодана все бумаги по родителям Лысенко и стала их перечитывать, надеясь найти для себя что-то новое.

– Ты даже не представляешь, как я рад видеть тебя в своей кухне, – услышала я голос Лазаря позади себя.

– Знаешь, с одной стороны, хочется сказать тебе: «Какая же я дура!»

– А с другой? – ухмыльнулся он, подходя ближе.

– Спасибо за прекрасную ночь.

Он наклонился, притянул меня к себе за подбородок и поцеловал. Затем как ни в чем не бывало направился к холодильнику и принялся готовить завтрак.

– Я очень надеялась, что, нагрянув к тебе вчера вечером, застану тебя дома с какой-нибудь длинноногой красоткой. Специально поехала сюда, а не в отель, – усмехнулась я.

– Выходит, я тебя разочаровал?

– Мои ожидания не оправдались, назовем это так.

– Если хочешь знать, я очень скучал и не мог ни о ком думать, кроме тебя.

– Что с твоей памятью? – решила я перевести тему.

Разговоры о чувствах с тем, кто, возможно, виновен в смерти моего жениха, не казались мне хорошей идеей. Сопротивляться этой ненормальной тяге я не могла, как показала сегодняшняя ночь, а вот не доводить дело до разговоров о чувствах – вполне.

– Ничего нового.

– Совсем никаких новых воспоминаний?

– Какие-то обрывки есть, ты же видела, что на стене появилось много нового, – усмехнулся он.

Дело в том, что он видел очень яркие сны, фрагменты которых записывал прямо на стенах собственной спальни. В первую нашу встречу я пыталась разобрать их, но все они оказались невнятными обрывками, которые сложно было соединить во сколько бы то ни было логичную цепь. Представляю, что творилось у него в голове. Жить и толком не знать кто ты: тот, кем тебя предпочитают видеть, или его враг – Нил Лукашов, он же Лазарь, сотрудничавший со спецслужбами, или Ким Барзин, хладнокровный наемный убийца. Егор смог бы ответить на этот вопрос, он, как оказалось, был неплохо знаком с Кимом. Только оба погибли. Или все-таки погиб только мой жених, а Барзин находится сейчас рядом о мной? Спецслужбам точно пригодятся его навыки, грех не воспользоваться потерей памяти и лица – его пришлось перекроить,

так как перестрелка Нила и Кима не прошла бесследно. Как бы я хотела знать, к кому меня непреодолимо тянет и действительно ли он совсем ничего не помнит из своей прошлой жизни.

– Честно говоря, вчера не успела посмотреть на стену, а утром не хотелось тебя будить. Жаль, что память не возвращается.

– Я привык, – ответил Лазарь и поставил на стол две тарелки с яичницей.

После завтрака я все же решила позвонить Субботкину: вдруг у них тоже эпидемия болезней и отпусков. Как оказалось, Виктор Сергеевич был на боевом посту, полный готовности лицезреть мою скромную персону. Я обрисовала ему цель своего визита, а он заверил, что постарается помочь.

– Опять расследование? – усмехнулся Лазарь.

– У нас острая нехватка кадров, – пожала я плечами.

Я быстро собралась, а он нежно поцеловал меня в шею перед тем, как я покинула квартиру.

Субботкин ждал в своем кабинете. Увидев меня в дверях, резко поднялся и заключил в объятия.

– Татьяна, не думал, что так скоро снова свидимся…

– Честно говоря, я тоже.

– Странные у вас в городе методы работы, конечно.

– Уж какие есть, – пожала я плечами.

– Ты где остановилась?

– У знакомого, – ответила я расплывчато и поспешила перевести тему, не оставив собеседнику возможности задать уточняющие вопросы. – Авария эта интересует меня не просто так. Недавно нечто похожее произошло в нашем городе с обоими сыновьями пары.

– Чего только не бывает. – Субботкина было сложно удивить. – Но ты видишь в этом связь?

– Пытаюсь найти, – уточнила я. – Оба остались живы, но поговорить со мной в виду своего состояния не могут. А вот супруге одного из них повезло куда меньше. Она была третей в машине и скончалась на месте.

– Ясно, – кивнул Виктор. – Чем могу помочь?

– Лесных – знаешь такого? – Я протянула ему лист из дела, на котором значилась фамилия следователя.

– Конечно, связаться не проблема, – заверил он.

– Было бы неплохо. А еще у погибшей год назад Лидии Львовны в вашем городе жила сестра. Ни имени, ни фамилии не знаю. Сможешь найти?

– Попробую.

Мы простились, а я вызвала такси и направилась по адресу прописки супругов Лысенко. По дороге позвонила матери Аллы и уточнила, кому после их смерти досталась жилплощадь. Оказалось, что братья, унаследовав каждый свою долю в квартире, ни продавать, ни сдавать ее не стали. По крайней мере именно так говорила ей Алла.

Мне было непонятно такое решение: это ведь не какое-нибудь родовое гнездо, хранящее воспоминания. Супруги прожили там всего год, прежде чем случилось несчастье. Но на это наверняка были свои причины.

Квартира располагалась в уютном спальном районе, не слишком новом: пятиэтажные дома из красного и белого кирпича были построены лет двадцать пять – тридцать назад. Я немного поплутала, прежде чем нашла нужный мне корпус. Это оказалась девятиэтажка-свечка. Я заметила, как к подъезду направляется школьница с рюкзаком, и поспешила за ней, чтобы попасть внутрь. Она стала открывать квартиру под номером два на первом этаже, а я прикинула, что десятая должна быть на четвертом, и оказалась права.

Какое-то время я постояла под дверью, прислушиваясь. Ни одного звука ни из этой, ни из других квартир не доносилось. И все же я решила проверить. Сначала позвонила в нужную мне дверь, а затем в соседские. Как и ожидала, в разгар рабочего дня жилища пустовали.

Чтобы проникнуть в квартиру, мне понадобилось секунд семь. Я тихонько прикрыла за собой дверь и огляделась. Всюду слои пыли, а кое-где и паутина – похоже, тут действительно никто не жил.

Я аккуратно обошла квартиру: в ней имелись спальня, гостиная и кухня. Холодильник был отключен, а вода перекрыта. Одежда так и осталась висеть в шкафах. Я стала открывать ящики комода, надеясь увидеть что-то, что могло бы навести меня на мысли.

Содержимое ящиков показалось мне ничем не примечательным: многочисленные кабели и зарядные устройства, старые пропуска, трудовые книжки. Я полистала последние и убедилась, что Вениамин Андреевич много лет проработал инженером на заводе. Лидия Львовна же начинала свою трудовую деятельность в гостинице, где продвинулась в службе от дежурной по этажу до сотрудницы отдела бронирования. В девяностые она подвизалась в турфирме. Ну а последним местом работы стал наш областной цирк – там она значилась специалистом отдела организации гастролей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.